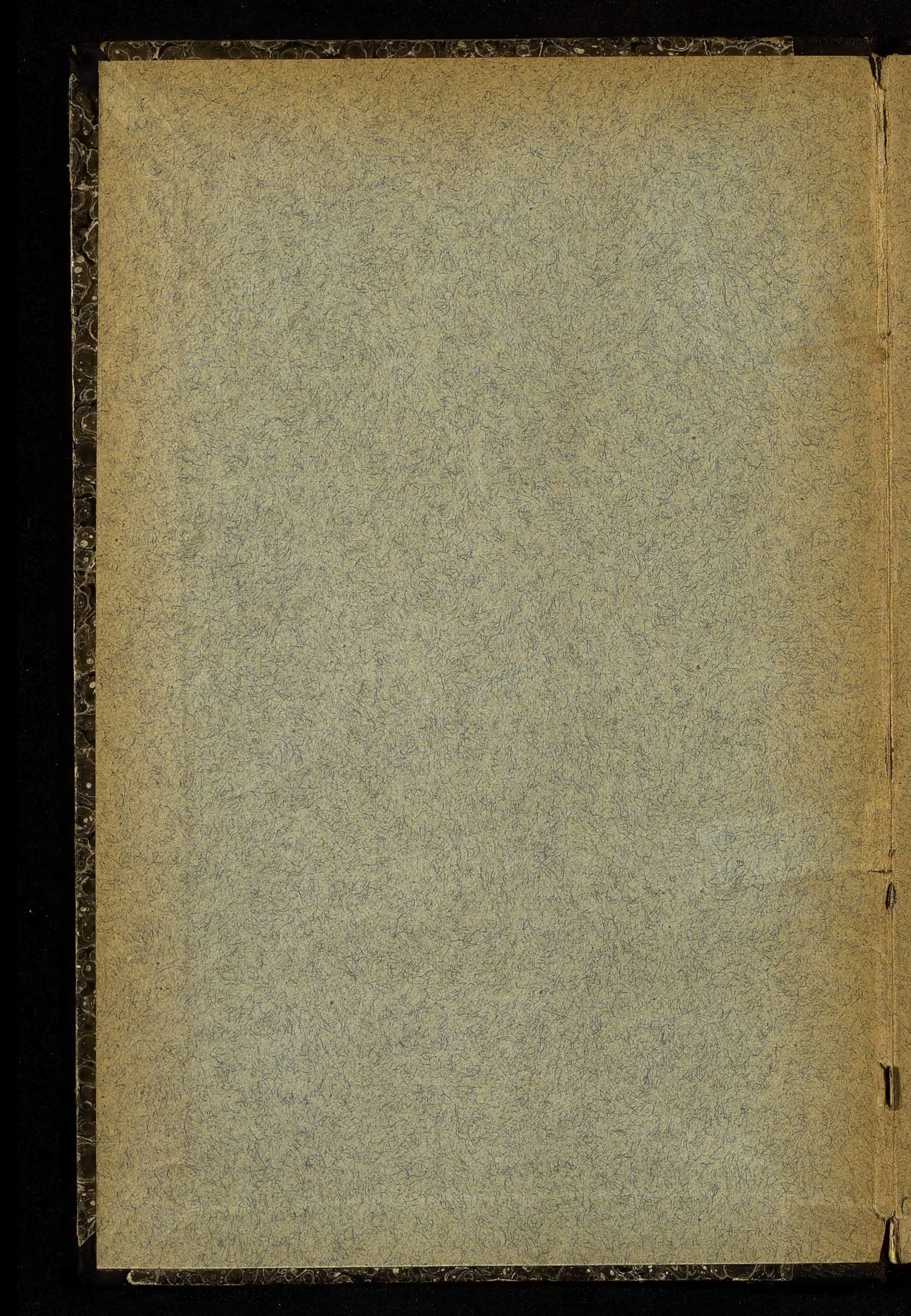
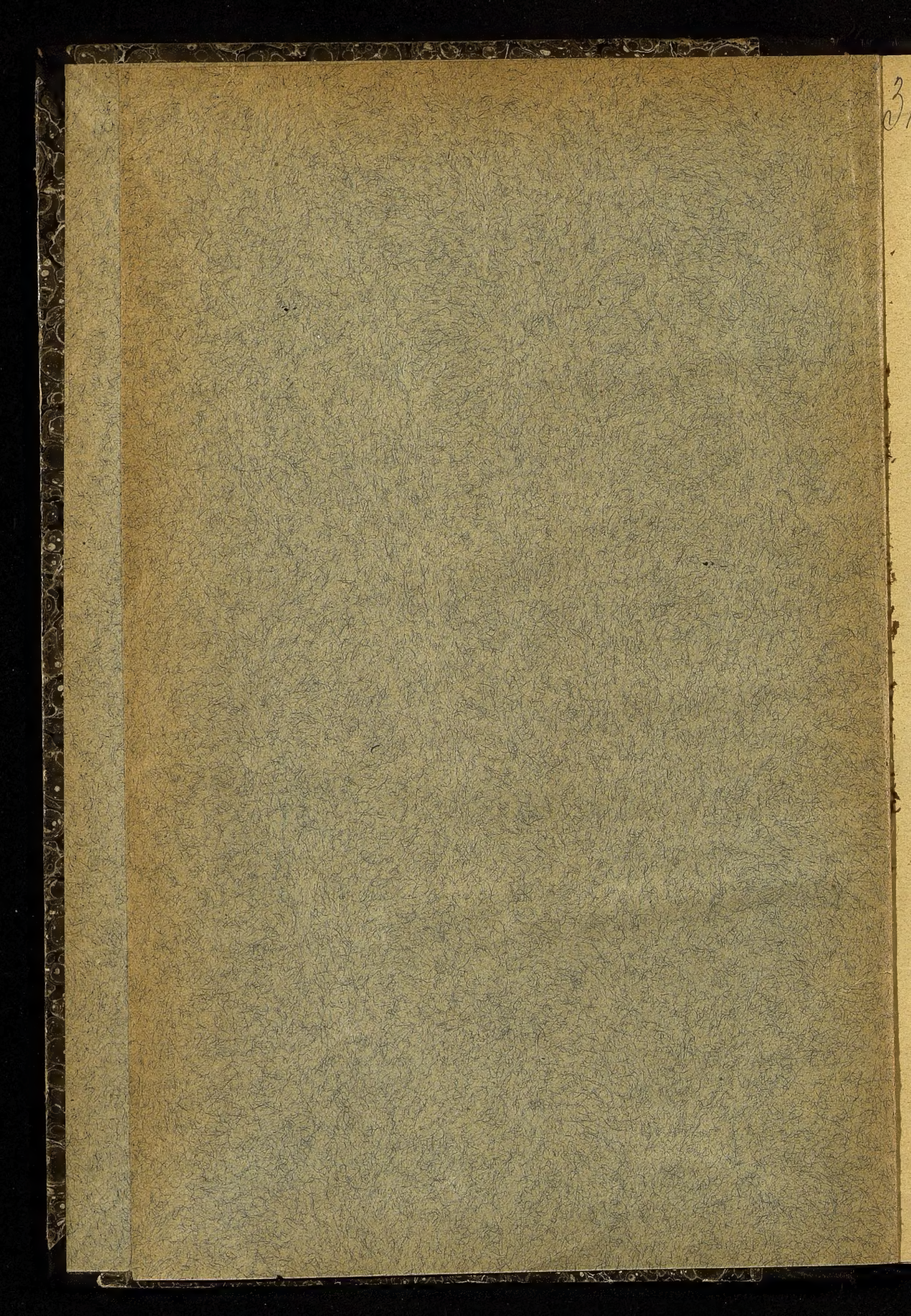




В. Чернышевъ.



УПРОЩЕНІЕ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

I. Современное состояніе русскаго правописанія.

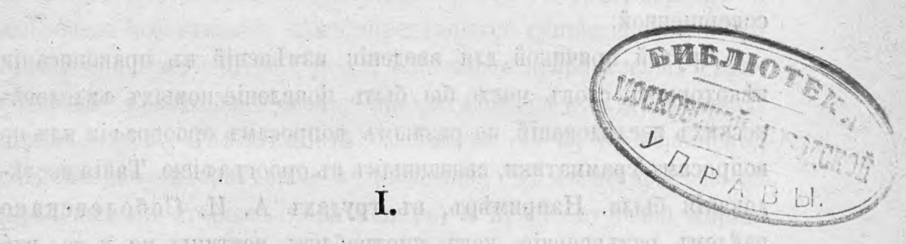
II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1904 года.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій.*



I.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНIЕ РУССКАГО ПРАВОПИСАНIЯ.

Орѳографiя академика Я. К. Грота. Трудность ея усвоенiя.

Хотя въ современномъ русскомъ письмѣ есть небольшiя орѳографическiя различiя, которыя нетрудно замѣтить, присматриваясь къ правописанiю книгъ и повременныхъ изданiй (вполнѣ исправныхъ относительно орѳографiи), тѣмъ не менѣе мы можемъ сказать: у насъ существуетъ единая опредѣленная орѳографiя. Это единство въ послѣднiе годы даже нѣсколько увеличилось, благодаря появленiю руководства къ русскому правописанiю, составленнаго по порученiю Второго Отдѣленiя Императорской Академiи Наукъ покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Оно получило оффицiальное утвержденiе, стало обязательнымъ въ школахъ и считается въ публикѣ «академическимъ». Послѣ перваго изданiя «Русскаго правописанiя» академика Грота, школьные учебники и грамматики выходятъ въ свѣтъ съ надписями, что правописанiе ихъ соглашено съ указанiями названной книги.

Но вопросъ русскаго правописанiя нельзя считать рѣшеннымъ и конченнымъ съ появленiемъ руководства академика Я. К. Грота: 1) потому, что въ этой книгѣ ученая и педагогическая критика въ свое время указала немаловажные недостатки, которые не устранены въ ней до сихъ поръ, 2) потому, что наша обще-

принятая ороографія, которая нашла въ лицѣ академика Грота законодателя-охранителя, давно признана многими компетентными судьями, и въ томъ числѣ самимъ Я. К. Гротомъ, весьма несовершенной.

Другой причиной для введенія измѣненій въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ могло бы быть появленіе новыхъ филологическихъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ ороографіи или по вопросамъ грамматики, связаннымъ съ ороографіею. Такія изслѣдованія были. Напримѣръ, въ трудахъ А. И. Соболевскаго найдемъ разъясненіе, какъ употреблять частицы *ка* и *ко*, чтó было неясно для Я. К. Грота, найдемъ указаніе на родъ нѣкоторыхъ словъ, потерявшихъ единственное число, чтó имѣетъ отношеніе и къ правописанію, и т. п. Ни появленіе подобныхъ изслѣдованій, ни выходъ въ свѣтъ научныхъ изданій, съ помощью которыхъ могутъ разъясниться нѣкоторые доселѣ темные вопросы нашего правописанія, напримѣръ, Словаря покойнаго академика И. И. Срезневскаго, первый томъ котораго вышелъ въ годъ смерти Я. К. Грота, — ничто уже не служитъ теперь къ усовершенствованію «Руководства» къ русскому правописанію [1]). Это «Руководство» перестало быть теперь и академическимъ, такъ какъ Академія Наукъ не имѣетъ никакого отношенія къ установленію текста новыхъ изданій.

Всѣ главныя замѣчанія на «Русское правописаніе» Я. К. Грота были высказаны въ свое время. Приходится только ихъ

---

1) Напримѣръ, «Словарь Олонецкаго нарѣчія» г. Г. Куликовскаго вновь подтверждаетъ, что лучшее правописаніе: в*а*трушка, не в*о*трушка. «Матеріалы для Словаря древнерусскаго языка» И. И. Срезневскаго указываютъ правописаніе: вязига (не в*и*зига, какъ у Я. К. Грота); согласно съ этими «Матеріалами» вполнѣ законно и написаніе *близь* (у Грота только: *близъ*), которое указывается и живой рѣчью; приведенное въ нихъ слово *корачни* въ значеніи *корачки* не подтверждаетъ правильности предлагаемаго Я. К. Гротомъ написанія *корячки*, при которомъ въ «Руководствѣ» замѣчено: «у Гоголя неправильно: карачки». Именно, правильно у Гоголя, который взялъ слово изъ живого языка, и неправильно въ «Руководствѣ», гдѣ слово искуcственно произведено отъ глагола «корячиться», при чемъ упущено изъ виду, что онъ слышится также и въ формѣ «карачиться».

напомнить. Въ важныхъ указаніяхъ, которыя были сдѣланы Я. К. Гроту въ небольшой статейкѣ проф. А. И. Соболевскаго въ Русск. Филолог. Вѣстникѣ (1885 г., № 3, стр. 156), заключено все главное, чѣмъ опредѣляются существенные недостатки орѳографіи Я. К. Грота. Признавая неправильнымъ правописаніе нѣкоторыхъ словъ, предлагавшееся новымъ руководствомъ, проф. Соболевскій ссылается: 1) на произношеніе, современное литературное и областное, 2) на исторію языка (правописаніе старыхъ памятниковъ) и 3) на звуковыя формы сходныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Авторъ «Руководства» однако настойчиво удерживалъ почти во всѣхъ словахъ, указанныхъ А. И. Соболевскимъ, собственное правописаніе, изъ чего можно заключить, что онъ недостаточно сознавалъ тѣ главныя основанія, на которыхъ должна быть утверждена наша орѳографія. И теперь въ гротовскомъ правописаніи много словъ, которыя пишутся несогласно съ русскимъ кореннымъ произношеніемъ, сѣвернымъ, по мало обоснованнымъ соображеніямъ. Такъ, мы, сѣверяне, говоримъ: *блись*, *пискарь*, *снятокъ*, *вязига*, *снигирь*, *ватрушка*, *субота*, *гостинница*, *гостинный* дворъ[1]), но писать по Гроту мы должны: *близъ*, *пескарь*, *снитокъ*, *визига*, *снѣгирь*, *вотрушка*, *суббота*, *гостиница*, *гостиный* дворъ. При этомъ нѣкоторыя изъ указанныхъ написаній совершенно не были до того времени въ обычаѣ. Въ подобныхъ случаяхъ орѳографія Грота отнимаетъ у пишущихъ первыя опоры грамотности: 1) примѣненіе въ письмѣ данныхъ живого языка (настолько это допускается существующей системой правописанія), 2) примѣненіе тѣхъ орѳографическихъ знаній, которыя мы пріобрѣтаемъ при чтеніи книгъ (при томъ же условіи).

Несмотря на значительныя исправленія, которыя вносились академикомъ Гротомъ въ новыя изданія его «Руководства», въ немъ и теперь немало написаній, допускающихъ возраженія.

---

1) Здѣсь приведено произношеніе Покровскаго и Юрьевскаго уу. Владимирской губерніи.

Напр., въ 14-мъ изданіи 1900 года находимъ въ справочномъ указателѣ:

вырождáться (срав.: Христосъ раждается);

гулливый (при цырюльникъ и подоб. съ *ль*);

колóдецъ (*собств. колóдезъ*): слово «собственно» поставлено напрасно, потому что *колóдецъ* и *колóдезъ* два слова разнаго образованія;

кашлянýть: обыкновенно говорятъ: *кáшлянуть;*

Кюмéнь (*рѣка въ Финляндіи*): во-первыхъ, зачѣмъ она сюда попала? во-вторыхъ, почему здѣсь необычное удареніе?

мястú, мятýтъ: едва ли эти слова есть въ живомъ языкѣ?

назадú; назáдъ: судя по отдѣляющему слова знаку препинанія, здѣсь напрасно смѣшаны два слова *задъ* и *задъ*; *назадú* происходитъ отъ перваго, *назáдъ* отъ второго; слово *задъ* съ *на* дало бы *назадѣ*, какъ это и слышится иногда въ народѣ, а слово *задь* дало бы *назáдь*, какъ это видно изъ слова *позáдь;*

навстрѣчу; наканýнѣ: слова *встрѣча*, *канунъ* дня вполнѣ позволяютъ допустить и отдѣльное правописаніе въ этихъ словахъ;

предызвѣщéніе: зачѣмъ такое неупотребительное слово и откуда оно?

прóтивень (отъ нѣм. Bratpfanne): сомнительно, чтобы такое чисто русское слово происходило отъ нѣмецкаго;

прусáкъ (*о насѣкомомъ*) и *пруссáкъ* (*о народѣ*): на чемъ основано это различіе, когда въ живомъ языкѣ мы его не находимъ? довольно и того, что старинные грамотеи навязали намъ два мира: миръ съ *и*, восьмеричнымъ, и міръ съ *і*, десятеричнымъ;

рявнýться: обыкновенное сѣверное произношеніе указываетъ на *е:* рехнýлся;

сáжень: говорятъ и *сажéнь* (Плечи косая сажéнь. Некрасовъ);

третьягодняшній (*произ. третёвадняшній*): правописаніе настолько мудреное, что легко не понять слова: можно подумать — говорится не о днѣ, а о годѣ (= третьяго года), и др. т. под.

Другой недостатокъ «Русскаго правописанія» Я. К. Грота, — что въ случаяхъ второстепенныхъ, въ написаніяхъ отдѣльныхъ словъ (что главнымъ образомъ и затрудняетъ пишущихъ), оно нерѣдко основывается на старыхъ и даже устарѣлыхъ грамматикахъ, на невполнѣ исправныхъ словаряхъ въ родѣ Рейфа, Шимкевича и т. под.

Изъ старыхъ грамматикъ внесены въ «Русское правописаніе» не только факты, но и до нѣкоторой степени стремленія: это 1) созданіе произвольныхъ искусственныхъ различій въ языкѣ, какъ *пруссакъ* и *прусакъ*, *пѣсенникъ* и *пѣсельникъ*; 2) притязаніе измѣнять живой, сложившійся языкъ. «Руководство» хочетъ заставить всѣхъ говорить: редижи́ровать вмѣсто вошедшаго въ общее употребленіе въ разговорномъ и книжномъ языкѣ: редакти́ровать; «Руководство», вслѣдъ за устарѣлой грамматикой Греча, все еще не рѣшается допустить въ русскій литературный языкъ слово «всклоко́ченный», которое и распространено и встрѣчается у писателей (Крыловъ): допуская его только для народнаго языка, оно требуетъ отъ пишущихъ «всклоченный», и т. п.

Вообще наше русское правописаніе хотя и установилось болѣе или менѣе прочно, не удовлетворяетъ основному требованію орѳографіи: легкости усвоенія и примѣненія. 1) Учащіеся тратятъ на нее слишкомъ много времени и часто всетаки не могутъ ее одолѣть. 2) Мы, взрослые и грамотные люди, чтобы овладѣть ей, должны безпрестанно обращаться къ справкамъ; написавши по своему соображенію, легко явимся въ разногласіи съ Гротомъ. Надъ правописаніемъ не приходится думать, но нужно запоминать. Частыя справки въ концѣ концовъ становятся настолько утомительными, что теряется всякая охота прибѣгать къ книгѣ, которая иногда идетъ такъ рѣзко противъ нашихъ соображеній и привычекъ. Написаніе *копѣйка* съ буквою *ѣ* всякій видитъ, благодаря орѳографіи монетнаго двора, сотни разъ, а правописаніе Грота требуетъ, чтобы писали копейка съ *е* и совсѣмъ не допускаетъ *ѣ*, хотя и замѣчаетъ, что копѣйка боль-

шею частію пишется черезъ *ѣ*. Такія привычки искореняются съ нѣкоторою даже непріятностью для памяти; тутъ нововведеніе тѣмъ болѣе не понятно, что авторъ правописанія въ общемъ хочетъ держаться обычая. Если ужъ вводить правильное *е* вмѣсто неправильнаго *ѣ*, то гораздо лучше было бы ввести правописаніе черезъ *е* въ словахъ: *седло*, *цвелъ*, гдѣ *е* подтверждается произношеніемъ.

Вотъ тѣ причины, по которымъ «Русское правописаніе» Я. К. Грота не встрѣтило единодушныхъ одобреній и полнаго признанія въ нашемъ ученомъ и образованномъ обществѣ. Несмотря на авторитетъ Академіи Наукъ, по порученію которой составлено «Руководство», несмотря на извѣстность и ученыя заслуги автора, книга встрѣчаетъ множество возраженій, нѣкоторые критики относятся къ ней съ большой непріязнью, и правописаніе Грота не примѣняется въ оффиціальныхъ изданіяхъ.

Педагогическій міръ удовлетворенъ правописаніемъ Я. К. Грота еще меньше, чѣмъ другіе.

Въ этомъ мірѣ книга Я. К. Грота не нашла особаго сочувствія во время своего появленія. До сихъ поръ она не сдѣлалась книгой популярной: къ ней обращаются болѣе по неволѣ. До сихъ поръ неясно, для кого она составлена: для преподавателя или для ученика, т. е. учебникъ это, справочная книга, или пособіе учителю при преподаваніи? Объемъ, содержаніе и изложеніе книги академика Грота таковы, что она не доступна ученику младшаго и средняго возраста. Между тѣмъ правописаніе нужно усвоить именно въ этихъ возрастахъ, въ чемъ согласны и авторитетные педагоги, и оффиціальныя программы.

Программы гимназій требуютъ, чтобы ороографія усвоивалась вполнѣ и при томъ въ младшемъ возрастѣ. Онѣ категорически говорятъ: «Въ четвертомъ классѣ ученики не должны погрѣшать противъ правилъ ороографіи». Отсюда слѣдуетъ, что большой и сложный кодексъ русскаго правописанія Я. К. Грота долженъ быть изученъ въ трехъ первыхъ классахъ гимназіи, дѣтьми въ возрастѣ отъ 10 до 13, максимумъ до 15 лѣтъ (моложе

10 лѣтъ въ гимназію не принимаютъ, старше 14 лѣтъ нельзя поступить въ 3-й классъ). Для дѣтей этого возраста «Русское правописаніе» академика Грота недоступно, а овладѣть имъ необходимо. Какъ примирить это противорѣчіе, мы не знаемъ.

Если мы возьмемъ грамматики Востокова, полную и сокращенную, то увидимъ, какъ немногочисленны правила правописанія, которыя считалъ нужными для учащихся этотъ замѣчательный языковѣдъ. Въ «Русской грамматикѣ Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложеной» часть третья, о правописаніи, занимаетъ 24 страницы; въ ней 23 §§, отдѣлъ о знакахъ препинанія занимаетъ 8 страницъ съ 11 §§ правилъ. Справочнаго указателя здѣсь нѣтъ, т. е. правильнаго изображенія отдѣльныхъ, не входящихъ въ грамматику словъ не требуется.

Назначенная для школъ «Сокращенная русская грамматика Александра Востокова» (по изданію 1877 года въ Спб.) всѣ правила правописанія и пунктуаціи излагаетъ въ 30 §§ на 12 страницахъ. Въ «Начальныхъ правилахъ русской грамматики Н. Греча» (Спб. 1828) правописаніе (и пунктуація) занимаетъ, правда, больше мѣста: 26 страницъ и состоитъ изъ 48 §§, но въ предисловіи къ книгѣ говорится, что въ ней «правописаніе изложено подробнѣе прочихъ частей, и заключаетъ въ себѣ почти всѣ правила употребленія буквъ и знаковъ препинанія».

Не то въ наше время: «Русское правописаніе» академика Я. К. Грота въ 14 изданіи, которое у насъ подъ руками, состоитъ изъ XII+120+XL страницъ; въ немъ 119 §§, изъ которыхъ многіе состоятъ изъ группъ правилъ, числомъ до десятка и больше. Такъ, въ параграфѣ о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ, по подсчету В. П. Шереметевскаго, находится 47 правилъ и исключеній; въ справочномъ указателѣ помѣщено, намъ кажется, болѣе 3000 словъ. Если не имѣть въ виду послѣдовавшаго послѣ 30-хъ годовъ расширенія программъ и значительнаго увеличенія многихъ другихъ учебниковъ, то уже одного настолько обширнаго кодекса правилъ правописанія достаточно для

того, чтобы значительно затруднить современнаго школьника и привести его или къ переутомленію, или къ весьма поверхностному усвоенію предмета или даже, при возможности, къ полному пренебреженію предметомъ, такъ какъ слишкомъ повышенныя требованія легко приводятъ къ неисполненію ихъ.

Желаніе расширить отдѣлъ учебника, въ которомъ говорится о правописаніи, понятно было бы еще у составителя грамматики стараго времени. И Востоковъ и Гречъ считаютъ, что эта наука должна привести къ тому, чтобы дѣти правильно говорили и писали. Теперь многіе не раздѣляютъ этого взгляда на грамматику, и правописаніе считается практическимъ знаніемъ столько же, какъ и наукою. А между тѣмъ мы въ школѣ заботимся о немъ гораздо болѣе чѣмъ о наукѣ, и вмѣсто того, чтобы сократить требованія по этому предмету и сдѣлать ихъ болѣе опредѣленными, мы въ послѣдніе годы почти вездѣ только ихъ повышаемъ и расширяемъ.

А сколько замѣчательныхъ педагоговъ было въ Россіи послѣ временъ Греча и Востокова, сколько выходило и выходитъ спеціальныхъ педагогическихъ журналовъ, и вотъ черезъ 70 лѣтъ педагогическаго просвѣщенія и опыта мы такъ легко и неосторожно нарушаемъ основныя требованія элементарной педагогики: 1) сообразоваться съ силами учащихся и 2) не затрачивать эти силы безплодно, на изученіе предметовъ малоцѣнныхъ.

Не будемъ вдаваться въ дальнѣйшую педагогическую критику «Русскаго правописанія». Объ этомъ приведемъ въ послѣдствіи еще нѣсколько замѣчаній В. П. Шереметевскаго и другихъ, вмѣстѣ съ ихъ проектами упрощеннаго правописанія. Теперь продолжимъ о положеніи нашего правописанія въ школѣ.

Если признать за книгой Грота главную цѣль—утвердить въ школѣ и обществѣ извѣстную опредѣленную орѳографію, то придется сознаться, что цѣль эта не достигнута вполнѣ. Правда, что въ произведеніяхъ печати, какъ мы уже говорили, можно замѣтить нѣкоторое орѳографическое единство, объясняющееся отчасти

вліяніемъ «Русскаго правописанія» Я. К. Грота; правда, что въ школахъ пишутъ болѣе или менѣе «по Гроту»; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣднее время все чаще и чаще и со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на безграмотность. Безграмотными или не вполнѣ грамотными оказываются не только ученики низшей школы, но и ученики средней, успѣшно окончившіе курсъ и получившіе аттестатъ зрѣлости. Оказывается, что даже лица, получившія высшее образованіе, не всегда въ полной мѣрѣ владѣютъ принятой орѳографіей. Не говоря о неграмотности учениковъ, жалуются на безграмотность учителей, юристовъ и т. п. Указанія эти дѣлаются со стороны на столько компетентныхъ лицъ и учрежденій, что не остается никакихъ основаній для пожеланія подвергать факты провѣркѣ или искать новыхъ примѣровъ. Приходится признать, что у насъ нѣкоторая часть образованнаго общества пишетъ по Гроту, нѣкоторая часть, не слѣдуя Гроту до мелочей, пишетъ всетаки правильно, зная вообще русскую орѳографію, и нѣкоторая часть пишетъ малограмотно, не руководствуясь основными правилами орѳографіи. Это—образованное общество, т. е., по приблизительному опредѣленію, лица, окончившія школу выше низшей. Въ низшей школѣ процентъ вполнѣ грамотныхъ, конечно, самый незначительный. Объ этомъ не стоило бы безпокоиться, если бы школа сознательно уклонялась отъ обученія правописанію, не находя въ немъ достаточнаго образовательнаго значенія. Но въ дѣйствительности происходитъ наоборотъ: во множествѣ нашихъ начальныхъ школъ на обученіе правописанію — обыкновенно посредствомъ диктантовъ — тратится очень много времени; правописаніе замѣняетъ и грамматику, и изложеніе мыслей, котораго иногда намѣренно избѣгаютъ, боясь повредить учащимся въ орѳографіи. Педагогическая литература изобилуетъ сборниками диктантовъ и крайне бѣдна пособіями для обученія изложенію мыслей. Этотъ нераціональный выборъ — обученіе орѳографіи вмѣсто родного языка въ нашей начальной школѣ — установился какъ-то странно, самъ собою: онъ не согласуется ни съ мнѣніями лучшихъ педагоговъ, ни съ оффиціаль-

ной программой, которая до 1897 года требовала отъ оканчивающихъ начальную школу только письма безъ искаженія словъ, т. е. не требовала никакой орѳографіи. Между тѣмъ практика установила, какъ это намъ извѣстно по личнымъ наблюденіямъ во многихъ мѣстахъ средней России, чтобы на экзаменахъ оканчивающіе начальную школу писали безъ ошибокъ въ буквѣ *ѣ*, въ употребленіи твердаго и мягкаго знаковъ (мечъ, ложь, стараешься, сердится, сердиться) и т. п. Все это достигается усиленными и продолжительными упражненіями въ диктовкахъ, которыя не оставляютъ мѣста другимъ, болѣе важнымъ и нужнымъ занятіямъ. Къ экзамену дѣти не ошибутся и въ корнѣ съ *ѣ*, поставятъ правильно *ь* во второмъ лицѣ и въ неопредѣленномъ наклоненіи — развѣ попадутся мудреныя слова: векша, или вредъ, или лѣтніе жары (жаръ или жара?) — а послѣ экзамена всѣ эти орѳографическія свѣдѣнія исчезаютъ съ замѣчательной быстротою. Ученики, порадовавшіе на экзаменѣ своею грамотностью учителя, вызвавшіе одобреніе экзаменатора, явившись въ школу осенью для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса, уже не могутъ грамотно расписаться въ его полученіи. А между тѣмъ изъ-за орѳографіи учитель мало читалъ съ учениками, рѣдко бесѣдовалъ о прочитанномъ и не успѣлъ пробудить въ нихъ интереса и охоты къ чтенію, безъ чего и самая грамотность (умѣнье читать) теряетъ значительную часть своей пользы, даже иногда забывается. Крестьянскія дѣти заканчиваютъ свое образованіе, часто не прочитавши хотя бы сказокъ Пушкина или Жуковскаго, не посмѣявшись надъ разсказами Гоголя, нерѣдко не прочитавши никакой книжки. Умѣнья ставить букву *ѣ* имъ некуда приложить, а то, что имъ понадобится: написать толково изложенное письмо, дать расписку, составить условіе о какой либо сдѣлкѣ, — это не вынесено ими изъ школы. Выходитъ, что орѳографія взяла все и не дала ничего.

Нерѣдкая безграмотность учащихся разныхъ школъ и возрастовъ, малограмотность людей съ нѣкоторымъ образованіемъ, окончившихъ школу — даютъ ясное указаніе на трудность усвое-

нія нашей орѳографіи. Оказывается, что съ появленіемъ «Русскаго правописанія» Я. К. Грота трудность изученія орѳографія не уменьшилась — чего всѣ желали и ожидали — а какъ будто даже увеличилась.

Большая часть трудностей, конечно, принадлежитъ самому русскому правописанію, но небольшая часть ихъ внесена въ новый кодексъ и составителемъ его, Я. К. Гротомъ, который имѣлъ наклонность дробить правила письма, на нѣкоторые вопросы орѳографіи имѣлъ субъективные взгляды и твердо ихъ держался. Мысль о какомъ-либо упрощеніи, напр., въ видѣ болѣе послѣдовательнаго проведенія нѣкоторыхъ правилъ, устраненія мелочныхъ и мало обоснованныхъ исключеній, совершенно не имѣлась въ виду при составленіи кодекса академика Грота; напротивъ, «Руководство» въ принципѣ держалось того, чтобы узаконить капризный обычай, со всѣми его противорѣчіями, непослѣдовательностью и по временамъ неуловимостью. При этомъ совершенно упускались изъ виду интересы учащихся, интересы будущихъ поколѣній.

Это само по себѣ не вполнѣ основательно. «Руководство» старается сохранить обычную орѳографію, т. е. ту, которая принадлежитъ старшимъ поколѣніямъ, уже научившимся грамотному письму и которымъ, собственно говоря, руководство уже и не нужно; удерживая принятыя, неудачныя или непослѣдовательныя написанія, оно жертвуетъ для нихъ раціональными этимологическими и фонетическими основаніями, чтобы не затруднить научившихся нововведеніями: назначается же это руководство для младшихъ и будущихъ поколѣній, которымъ сохраненіе нераціональнаго обычая приноситъ только затрудненіе и ущербъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы стали совершенно непослѣдовательно писать пестъ через *е*, но *пѣстунъ*, *пѣстовать* черезъ *ѣ*, то почему и слѣдующее поколѣніе должно удерживать ту же ошибку? Почему уничтожено старое правописаніе *купѣль* черезъ *ѣ*, но оставлено свир*ѣ*ль? и т. п.

Главные недостатки современной ороографіи.

Впрочемъ, недостатки Гротовской ороографіи незначительны; услуги, сдѣланныя ею для разъясненія сомнительныхъ случаевъ и для большаго или меньшаго объединенія нашего правописанія, несомнѣнны и должны быть упомянуты съ благодарностью: крупные недостатки заключаетъ наша ороографія сама по себѣ, такъ какъ она смѣшиваетъ языкъ русскій съ славянскимъ и древнерусское съ современнымъ.

Начнемъ съ азбуки. Защитники нашего правописанія любятъ хвалить его, отдавать ему предпочтеніе передъ правописаніемъ другихъ народовъ: «Если безпристрастно сравнить (русское правописаніе) съ правописаніемъ большей части другихъ народовъ», говоритъ Я. К. Гротъ, «то убѣдимся, что наше, по своей простотѣ, точности и ясности, должно быть признано однимъ изъ самыхъ удовлетворительныхъ» (Труды Я. К. Грота, II, 637). Здѣсь почтенный филологъ опускаетъ изъ виду весьма невыгодныя для сравненія особенности русской азбуки съ европейскими. Въ азбукахъ европейскихъ народовъ нѣтъ лишнихъ буквъ; тамъ затрудненія заключаются только въ ихъ употребленіи. У насъ же пять лишнихъ буквъ: ѣ, ъ, і, ѳ, ѵ, которыя безъ всякой нужды усложняютъ письмо и его изученіе, замедляютъ печатаніе и увеличиваютъ цѣну книгъ.

Затѣмъ охранители старой ороографіи одобряютъ наше письмо за его историческо-этимологическій характеръ, дающій возможность яснѣе понимать происхожденіе и составъ словъ, а слѣдовательно и ихъ значеніе, при чемъ изученіе ороографіи должно являться осмысленнымъ дѣломъ, полезнымъ для умственнаго развитія изучающихъ ее. Если понимать вмѣстѣ съ Гротомъ, что терминъ «историческое правописаніе» «предполагаетъ только соблюденіе традицій, установившихся по большей части конечно на основаніи производства словъ» (Труды, II, 614), то историческій характеръ не сообщаетъ нашему письму особыхъ достоинствъ. Въ дѣйствительности наше письмо традиціонное; оно сохранило буквы,

потерявшія свое значеніе, но сохранило немного слѣдовъ стараго состоянія языка и не даетъ указанія на его развитіе, такъ что съ исторіей языка мы мало познакомимся по нашему письму. Этимологическій характеръ русской орѳографіи также вовсе не такъ великъ, какъ кажется ея защитникамъ. Въ корняхъ и окончаніяхъ во множествѣ случаевъ буква *ѣ* перепутана съ *е* и другими буквами. Даже тамъ, гдѣ сохранилась правильность въ живомъ произношеніи, она отсутствуетъ въ орѳографіи. Напр., говоримъ *мелкій, блескъ* съ *ѣ* (правильно), пишемъ черезъ *е* (неправильно); говоримъ *цвёлъ* съ *е* (правильно), пишемъ съ *ѣ* (неправильно). Неправильно пишемъ *е* въ окончаніяхъ словъ: водолей, колыбель, гибель и др. Не различаемъ буквами *е* и *ѣ* глаголы разнаго значенія, какъ *летѣть* и *лѣтать*, что наблюдалось въ старомъ языкѣ. Въ окончаніяхъ падежей, въ степеняхъ сравненія путаемъ *ѣ* съ древнимъ *и* и *е*: на конѣ (древн. на кон*и*), бол*ѣ* (по Гроту) вмѣсто бол*е*; и т. п. Поэтому мы думаемъ, что только увлеченіе заставляло когда-то говорить одного очень почтеннаго защитника орѳографической старины: «Въ грамматическомъ устройствѣ языка обѣ буквы — *ѣ* и *е* — имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другого законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть *ѣ* уступитъ всѣ свои права *е*, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ (?!), различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила (?). Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква *юсъ*, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ *у* и *я*? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ (?); въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она всетаки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда ни-

когда исчезнуть»[1]) («О русской азбукѣ», статья В. Я. Стоюнина. Цитата изъ «Трудовъ» Я. К. Грота, II, 672). Въ этихъ словахъ гораздо болѣе краснорѣчія, чѣмъ правды.

Переходя отъ недостатковъ азбуки къ недостаткамъ ороографіи, мы должны обратить вниманіе на то, что въ ней существуютъ *случайныя*, *условныя* правила, какъ, напр., тѣ, которыми руководствуются при употребленіи *и* и *і*, окончаній *ые*, *ыя* или написаній *они*, *онѣ*, *одни*, *однѣ*, *міръ*, *миръ*. Эти правила собственно ни на чемъ не основаны: ни на исторіи словъ, ни на произношеніи, такъ что въ ороографическій законъ здѣсь введенъ полный произволъ.

Другія правила, введенныя въ русское правописаніе нашими книжниками, принадлежатъ церковно-славянскому языку, какъ напримѣръ, употребленіе въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ окончаній *аго*, *яго*, а въ именительномъ *ый*, *ій*.

Затѣмъ, большимъ недостаткомъ нашей ороографіи является непослѣдовательность многихъ правилъ, напримѣръ, правилъ объ употребленіи буквы *ѣ*, о правописаніи приставокъ *воз*, *из*, *низ*, *раз* съ буквами *з* и *с*.

Затрудняетъ въ ней также во многихъ случаяхъ обиліе, мелочность, сбивчивость, противорѣчивость правилъ, какъ напр.,

---

1) Если мы заглянемъ въ новѣйшія изслѣдованія по русскому языку, то убѣдимся, какъ далеки эти слова отъ истины. Слѣды *юсовъ* въ нашемъ языкѣ, какъ извѣстно, немногочисленны. Ученые признаютъ эти звуки или давно исчезнувшими въ русскомъ языкѣ или никогда не существовавшими въ немъ. Соболевскій, вслѣдъ за Буслаевымъ, утверждаетъ, что хотя *юсы* и исчезли совсѣмъ еще до половины XI вѣка, т. е. до появленія первыхъ памятниковъ нашей письменности, но раньше они, судя по произношенію нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ, должны были существовать въ русскомъ языкѣ (Лекціи по исторіи русскаго языка, М. 1903, стр. 19—20). Ягичъ нашелъ доводы Соболевскаго въ пользу существованія носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ неубѣдительными (Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 25). Такъ же высказался и Брандтъ въ «Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русскаго языка», стр. 5, гдѣ говорится, что доводы за существованіе *юсовъ* въ русскомъ языкѣ до эпохи составленія первыхъ памятниковъ письменности «носятъ характеръ сомнительный»; также стр. 57—58, гдѣ замѣчено, что «чередованіе *у* и *я* съ носовыми согласными, какъ *дуть* — *надменъ*, *племя* — *племени* ... не доказываетъ существованія *юсовъ* въ русскомъ языкѣ, а только существованіе ихъ въ праславянскомъ».

о слитномъ и отдѣльномъ написанiи словъ, о переносѣ словъ изъ одной строки въ другую.

Очень невыгодны для изученiя правописанiя мелкiя правила и исключенiя, которыя относятся иногда только къ одному, двумъ словамъ, какъ написанiя *ми*ръ и *мі*ръ, сва*д*ьба и т. п.

II.

ИСТОРИЧЕСКIЙ ОЧЕРКЪ ВОПРОСА ОБЪ УПРОЩЕНIИ ПРАВОПИСАНIЯ.

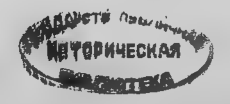
Мнѣнiя старыхъ писателей о лишнихъ буквахъ азбуки.

Болѣе важные недостатки русскаго правописанiя замѣчены уже давно: съ того самого времени, какъ начались изслѣдованiя о немъ. Тредьяковскiй, Ломоносовъ, Сумароковъ и нѣкоторые другiе высказываютъ многiя изъ тѣхъ мыслей о правописанiи, которыя въ наше время такъ часто повторяются. Они первые обратили вниманiе на главное затрудненiе нашей орѳографiи — употребленiе въ ней излишнихъ буквъ ъ, ь, ѳ, ѵ, ѣ, и (или i). Признанiе этихъ буквъ ненужными имѣетъ за собою многолѣтнюю давность.

Еще Тредьяковскiй[1]) въ «Разговорѣ объ ортографiи» высказывалъ вполнѣ правильное пониманiе буквъ ъ и ь. «Ѕнакi отолшченiя i отонченiя... не долженствуютъ чiслiться между буквамi въ Алфавітѣ, но токмо почiтаться ѕа... iѕмѣненiя согласныхъ буквъ» (стр. 112), т. е. что ъ и ь не буквы, изображающiя звуки, но знаки твердости и мягкости согласныхъ.

---

1) Замѣтимъ, что, вопреки принятому въ обществѣ (не въ наукѣ) мнѣнiю о бездарности этого человѣка, онъ былъ серьезнымъ и много знающимъ ученымъ. Тредьяковскiй только не имѣлъ дара хорошо излагать свои мысли. Въ XVIII вѣкѣ едва-ли кто изъ писателей такъ худо владѣлъ русской рѣчью, какъ онъ.



Ломоносовъ въ грамматикѣ, опредѣляя также совершенно правильно ъ и ь, какъ «безгласныя», не высказывается о томъ, что ъ излишенъ, но въ юмористической статьѣ «Судъ россійскихъ письменъ» говоритъ: «ъ нѣмой мѣсто занялъ, подобіе какъ пятое колесо» (Сочиненія, Спб. 1898, т. IV, стр. 246). Ученикъ Ломоносова проф. Ант. Барсовъ вполнѣ опредѣленно высказывался, что ъ въ концѣ словъ лишняя буква, указывая, что если въ словахъ, подобныхъ слову *Антонъ,* твердое произношеніе перваго *н* не обозначается *еромъ*, то и послѣ второго *н* эта буква тоже лишняя, и безъ нея можно обойтись, какъ обходятся «во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ». Барсовъ считалъ ъ необходимымъ только въ срединѣ словъ, въ случаяхъ какъ *объявляю*, *подъемлю* и т. п. Эти мнѣнія тогда же нашли своихъ послѣдователей, и въ концѣ XVIII столѣтія появляются книги, напечатанныя безъ *еровъ*. Позднѣе мысль о ненужности ъ подтверждалась и разъяснялась Востоковымъ, Я. К. Гротомъ и И. И. Срезневскимъ. Серьезныхъ возраженій за сохраненіе ъ нѣтъ въ литературѣ, и современное существованіе этой буквы объясняется только укрѣпившимся обычаемъ и привычками пишущихъ, усвоенными въ дѣтствѣ. Ъ держится — хотя кое-что напечатано и печатается безъ ъ — несмотря на то, что его противники указали на большую экономическую выгоду отъ его уничтоженія. Наиболѣе рѣзко выражался противъ *ера* Сенковскій: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ ъ, ... этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стоитъ Россіи ежегодно болѣе 4,000,000 руб., — а какую приноситъ ей выгоду или честь?..» Въ 1862 году въ статьѣ «По поводу толковъ о правописаніи» академикъ Гротъ высказался за уничтоженіе ъ въ концѣ словъ. Хотя самъ онъ и не писалъ безъ ъ, но ожидалъ, что это будутъ дѣлать другіе. Только по его настоянію не употребляется теперь этимологическій ъ въ *сумпъть*, *сыграть*, *предыдущій* и под.

Буква ѳ признана ненужной уже Тредьяковскимъ и не

употреблялась имъ въ его сочиненіи объ орѳографіи. Ломоносовъ писалъ, что она «отъ первыхъ сочинителей Славенской азбуки въ нее внесена напрасно. Ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько не надобна, какъ Французамъ Ч или Ы, Нѣмцамъ Ж, Китайцамъ Р, которыхъ выговора они въ своихъ языкахъ не имѣютъ» (Росс. Грамм. § 22).

И другіе ученые послѣ Ломоносова признавали нужнымъ исключить *ѳиту* изъ русской азбуки. Это высказывали: извѣстный въ свое время знатокъ греческаго языка И. И. Мартыновъ и извѣстный филологъ протоіер. Павскій. Рѣшительнымъ врагомъ этой буквы былъ нѣкогда академикъ Я. К. Гротъ. Въ «Филологическихъ разысканіяхъ» (т. II, стр. 135—141) онъ подробно указываетъ на недостаточность доводовъ въ пользу сохраненія ѳиты и считаетъ вполнѣ умѣстнымъ ея уничтоженіе въ русской азбукѣ. Ѳита не имѣетъ звукового значенія въ русскомъ языкѣ, а «для чужестранныхъ выговоровъ», писалъ Ломоносовъ, «вымышлять новыя буквы весьма негодное дѣло, когда и для своихъ разныхъ произношеній нерѣдко одною пронимаемся» (напр., *е* различно произносится въ словахъ: *несу*, *несъ*, *верста*, *верстъ*; *г* различно произносится въ словахъ: *гость*, *Бога*, *его*). «Ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы; то будетъ наша азбука съ Китайскою. И таково же смѣшно по правдѣ покажется, если бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква Ы, оную въ какой нибудь чужестранный языкъ приняли, или бы вмѣсто ея новую вымыслили» (Ломоносовъ, Росс. Грамм., § 88). За ѳиту могутъ стоять только немногіе грамотеи, хорошо знакомые съ греческимъ языкомъ, но и они не могутъ употреблять послѣдовательно буквъ *ф* и *ѳ*, такъ какъ живой языкъ употребляетъ иногда на мѣстѣ ихъ новые звуки, требующіе другихъ буквъ: Сте*п*анъ, *т*еатръ и т. п.

Въ заключеніе академикъ Я. К. Гротъ говорилъ: «При всемъ уваженіи къ этимологическому началу нашей орѳографіи нельзя считать его обязательнымъ и для иностранныхъ словъ;

допускать же въ этомъ отношенiи изъятiе въ пользу одной греческой буквы, да еще такой, о которой даже въ точности неизвѣстно, какъ она произносилась, — нѣтъ основанiя. Итакъ наша письменность можетъ, безъ опасенiя упрека въ ереси, освободиться отъ *Θ*, оставивъ за ней покуда, только для свѣдѣнiя учащихся, скромный уголокъ въ хвостѣ нашей азбуки. Если же и всѣхъ приведенныхъ доводовъ недостаточно для изгнанiя *ѳиты* изъ употребленiя, то пусть по крайней мѣрѣ замѣна ея *эфомъ* не считается преступленiемъ; пусть каждому будетъ предоставлено на волю либо употреблять обѣ буквы на основанiи знакомства съ иностранными языками, либо обходиться безъ мудреной *ѳиты* и писать всегда Ф по произношенiю. Нашему ученому правописанiю довольно и своихъ *ятей*» (Филолог. разысканiя, Спб. 1876, стр. 141). Отъ предложенiя отмѣнить *еръ* и *ѳиту* авторъ «Филологическихъ разысканiй» отказался въ 3-мъ изданiи своей книги, ссылаясь на то, что относительно употребленiя *ъ* въ концѣ словъ и *ѳ* старинная практика осталась господствующею (Труды, II, 802).

Если теоретическое осужденiе Я. К. Грота буквъ *ъ* (въ концѣ словъ) и *ѳ* на изгнанiе не имѣло успѣха, то, по справедливому замѣчанiю проф. Брандта, въ этомъ виноватъ самъ покойный академикъ, который, рѣшивъ, что эти буквы не нужны, самъ не переставалъ употреблять ихъ.

Въ первомъ русскомъ шрифтѣ, вылитомъ въ Голландiи и доставленномъ въ Россiю около 1708 года, для звука *и* была только одна буква — i. Только съ 1716 года вводится въ азбуку и *и*. Правило ставить передъ гласными *i*, а передъ согласными *и* принято въ печати съ 1738 года. Тредьяковскiй, не принявшiй его и употребляющiй въ «Разговорѣ объ ортографiи» одно *i*, говоритъ объ этомъ правилѣ такъ: «Сiе есть только что проiзвольное: все равно, хотя буквѣ (и) быть всегда предъ гласнымi, а (i) передъ согласнымi. Поводъ къ сему проiзволенiю, iзлiшество одно буквъ; а основанiя, кажется, нѣтъ нiмалаго» (Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ i Россiйскимъ объ ортографii . . . Спб. 1748, стр. 361).

Ломоносовъ также считаетъ одну изъ буквъ для звука *и* излишнею (именно *і*), но старается оправдать ея употребленіе практическимъ удобствомъ. «Буква *і*», говоритъ онъ, «только ради того въ употребленіи осталась, чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно, и въ чтеніи запинаться не принуждало» (Росс. Грамм. § 88).

Тредьяковскій и на букву *ѣ* смотрѣлъ правильнѣе, чѣмъ Ломоносовъ. Онъ не разъ указываетъ въ своемъ «Разговорѣ объ ортографіи», что буква *ѣ* одногласная съ *е* (43, 65, 193, 356). Онъ признаетъ (стр. 193 и далѣе), что буквы *ѣ* и *е* никакой разницы не имѣютъ въ произношеніи: обѣ одинъ голосъ означаютъ; потому одна изъ нихъ лишняя и могла бы быть выключена изъ азбуки. Но онъ не рѣшается этого сдѣлать, опасаясь, что уничтоженіе *ѣ* послужитъ во вредъ чистому выговору. Ему казалось, что если вмѣсто *тебѣ*, *побѣда*, *вѣрная* и т. п. писать *тебе*, *победа*, *верная*, то будутъ произносить: тебэ, побэда, вэрная, какъ произносили, вѣроятно, *е* въ тогдашнемъ церковномъ чтеніи, что видно по нынѣшнему церковному произношенію старообрядцевъ. Эта уступка, впрочемъ, не помѣшала тому, чтобы авторъ «Разговора» считался противникомъ буквы *ѣ*.

Ломоносовъ и Сумароковъ не могли считать *ѣ* лишнею буквою: они находили, скорѣе всего по недоразумѣнію, что *ѣ* и *е* произносятся различно: *ѣ* тонѣе (уже), чѣмъ *е*. Впрочемъ, разница въ произношеніи *ѣ* и *е* признавалась очень небольшая, и никто не рѣшился указать, что ей можно воспользоваться для написанія, гдѣ слѣдуетъ, буквы *ѣ*. Ломоносовъ находилъ, что для правильнаго употребленія буквы *ѣ* нельзя обойтись безъ «твердаго ученія граммагѣ и прилѣжнаго книгъ чтенія» (Росс. Грам. § 117) и сожалѣлъ, что здѣсь нельзя предписать точныхъ правилъ.

За сохраненіе буквы *ѣ* въ русскомъ письмѣ Ломоносовъ говорилъ слѣдующее: «Нѣкоторые покушались истребить букву Ѣ изъ азбуки Россійской. Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы Ѣ

начать писать, а особливо печатать; то 1) Тѣмъ, которые раздѣлять Е отъ Ѣ умѣютъ, не токмо покажется странно; но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу летѣть*, отъ *лѣчу*, *лѣчить; пеню*, имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь; пенье, пеньевъ*, отъ *пѣнье*, *пѣнья; пленъ*, родительный множественный отъ именительнаго *плена́*, отъ *плѣнъ*, то есть *поло́нъ;* которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются» (Росс. Грамм. § 118). Замѣчанія 1 и 3 близки по своему значенію, такъ какъ имѣютъ отношеніе только къ умѣющимъ различать Ѣ отъ Е, потому что для незнакомаго съ употребленіемъ этихъ буквъ написанія *лѣчу* и *лечу*, *пѣнья* и *пенья* еще не показываютъ значенія. Это значеніе онъ, все равно, будетъ долженъ узнавать по смыслу фразъ.

Мысль о ненужности *ѣ* опредѣленно высказана въ печати нѣсколько позднѣе. Въ 1828 году въ Москвѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: «Рукопись покойнаго К. А. Хабарова» (псевдонимъ)[1], въ которой, вмѣстѣ съ другими лишними буквами, предлагается исключить изъ русской азбуки и букву *ѣ*. Изъ этой книжки я позволю себѣ привести значительныя выдержки, такъ какъ она мнѣ кажется весьма интересной.

«Ѣ буква безполезная», говоритъ авторъ этой книги, «но которая, какъ пронырливый лицемѣръ, или хлопотливый бездѣль-

1) «Рукопись покойнаго Клементія Акимовича Хабарова, содержащая разсужденіе о руской азбукѣ, и біографію его, имъ самимъ писаную, съ присовокупленіемъ портрета, и съёмка съ почерка сего знаменитаго мужа». Рукопись выдается за написанную въ 1802 году и изданную послѣ смерти составителя его другомъ, кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Хабаровъ въ автобіографіи выдаетъ себя за окончившаго гимназію и затѣмъ работавшаго въ типографіи наборщикомъ и корректоромъ. Въ предисловіи къ своей «Усовершенствованной руской азбукѣ» Хабаровъ говоритъ: «Мысль о возможности улучшенія руской азбуки, представилась мнѣ, когда я сталъ набирать съ одной рукописи, въ которой авторъ исключилъ Ъ и И. То была рукопись профессора Барсова (См. Москов. Журналъ 1792 года)».

никъ, сдѣлалась, не только нужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять ... а етаго-то ... никто не знаетъ ... Одни говорятъ, пишите Ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ И! Покорнѣйше благодаримъ! Слѣдовательно, чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина для справокъ?» «Мы узнаемъ языкъ прежде грамматики», говорится немного дальше (стр. 41), «грамматика составилась тогда, какъ образовался языкъ. Зная языкъ, мнѣ не нужно отличительныхъ знаковъ, которые бы не смѣшали въ моемъ понятіи различныхъ словъ пишущихся одинаково. Я пойму и всякій пойметъ, что *хочу есть* значитъ: я хочу кушать! какъ бы я ни написалъ ето. — Ломъ въ костяхъ, — и ломъ желѣзный — миръ съ Персіянами, и миръ Божій ... ключь отъ дверей, и ключь воды ... Нужно ли тутъ для русскаго: I чтобъ отличить міръ Божій отъ мира съ Персіянами — и *ѣ*, чтобъ понятно для другихъ сказать: я хочу ѣсть!»

«Но, стало быть, скажутъ нѣкоторые изъ нашихъ граматеевъ, етотъ Хабаровъ, хочетъ совсемъ уничтожить правила правописанія? Какъ? Исключать изъ нашей азбуки: I, Щ, Ъ, Ь, и особенно нашу любезную Ѣ, вывѣску нашей учености, букву, которую мы едва узнали примѣчая за нею 20, 25 лѣтъ»? — Нѣтъ милостивые государи! высокоученые господа! Хабаровъ думаетъ, что и безъ Ѣ, останется много труда, желающимъ правильно писать по русски; ваша ученость всегда будетъ нужна. Мы говоримъ, или произносимъ слова, совсѣмъ не такъ какъ требуетъ того правописаніе; говоримъ: Бохъ, жизь, харашо, чюдесно, прашу, хочетца, ... а пишемъ по законамъ грамматики: Богъ, жизнь, хорошо, чудесно, прошу, хочется!.. Что *именно такъ* должны писаться эти слова — есть доказательства, и никто съ вами о томъ не споритъ — но зачѣмъ причислять къ правописанію, употребленіе буквъ I и Ѣ, когда у насъ есть, И и Е, которыми можемъ выяснить все безъ помощи I и Ѣ?»

«Но Французы, но Англичане? — ихъ писаніе гораздо мудренѣе выговора: Французы имѣютъ е, а пишутъ ai, что равно Е — у Англичанъ тоже есть J, а они часто замѣняютъ его двумя е (ЕЕ)... Милостивые государи! За чѣмъ сравненія?.. они не доказательства! И Французы, и Англичане, не выигрываютъ отъ того, что ихъ орѳографія затруднительна, збивчива, безтолкова. Тѣмъ лучше для насъ русскихъ, если наша азбука, и способъ правильно выражать буквами свои мысли — простъ, понятенъ, и ясенъ! Ето не порокъ, а достоинство, которымъ смѣло можемъ гордиться передъ ученою Европою!» (стр. 44).

Возраженія Хабарова какъ разъ идутъ противъ мнѣнія Ломоносова. Дѣйствительно, ни малорусскій языкъ, ни опредѣленіе разныхъ значеній въ словахъ при помощи буквы *ѣ* не служатъ вѣскими аргументами за ея сохраненіе. Звука *ѣ* нѣтъ въ литературномъ языкѣ, нѣтъ вообще теперь въ русскомъ языкѣ: не должно быть и въ нашемъ письмѣ буквы *ѣ*. Въ приведенныхъ сужденіяхъ Хабарова о буквѣ *ѣ* и другихъ вопросахъ орѳографіи виденъ тотъ здравый смыслъ, который, можетъ быть и безъ учености, помогъ ему составить вполнѣ вѣрныя понятія о нѣсколькихъ вопросахъ правописанія, въ которыхъ даже иногда и ученые люди не могутъ отрѣшиться отъ предразсудка, закрѣпленнаго долговременною привычкою къ существующей орѳографіи.

Въ 1845 году В. Г. Бѣлинскій, понимавшій вопросы орѳографіи глубоко и ясно, высказался за уничтоженіе *ѣ* въ корняхъ словъ (кромѣ случаевъ въ родѣ *ѣсть* при *есть*), одного *и*, *ѳ*, *ъ* въ концѣ словъ (Сочиненія, М. 1860, IX, 484 и дал.).

Итакъ, недовольство русской орѳографіей — для насъ наслѣдство XVIII вѣка, который успѣлъ уже опредѣлить и самый главный ея недостатокъ — излишнія буквы азбуки. Составленіе проектовъ упрощеннаго правописанія — только приведеніе въ систему того, что было извѣстно раньше: и не только въ теоріи, но отчасти и на практикѣ, какъ письмо безъ *ъ*, неупотребленіе *ѳ* и др. подобн. Поэтому проявляющееся у насъ стремленіе къ

составленію упрощеннаго школьнаго орѳографическаго кодекса нельзя считать частичнымъ, одностороннимъ мнѣніемъ и желаніемъ «нѣкоторыхъ» ученыхъ или педагоговъ, которые дѣйствуютъ только въ интересахъ школы; нельзя также считать явленіемъ нашего времени. Упрощеніе вызывается прежде всего свойствами и нуждами нашей орѳографіи, которая неудовлетворительна сама по себѣ, что указано болѣе столѣтія тому назадъ. Школа только болѣе другихъ затрудняется и проигрываетъ отъ несовершенства орѳографіи.

Самые эти проекты появляются уже съ 60-хъ годовъ XIX в., когда начинается усиленное распространеніе грамотности и письмо все болѣе и болѣе дѣлается достояніемъ народныхъ массъ. На орѳографическихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Петербургѣ въ мартѣ-апрѣлѣ 1862 г., уже рѣшено было большинствомъ голосовъ произвести коренныя реформы правописанія. Послѣдующія предложенія были сдѣланы М. А. Туловымъ (въ Кіевѣ), В. П. Шереметевскимъ, проф. Р. Ѳ. Брандтомъ, акад. Ѳ. Е. Коршемъ, и проекты послѣдняго времени, какъ въ общемъ и главномъ, такъ и въ частностяхъ, мало отъ нихъ отличаются; новаго же они почти ничего не содержатъ.

Нашему времени представляется задача: объединить всѣ старыя и новыя работы этого рода въ одной стройной орѳографической системѣ и провести эту систему въ обращеніе путемъ печати и школы.

Задачи орѳографической реформы.

Въ изслѣдованіяхъ по вопросу правописанія необходимо различать двѣ главныхъ точки зрѣнія и двѣ зависящія отъ нихъ задачи.

1. Въ широкомъ смыслѣ вопроса изслѣдователи подвергаютъ научной критикѣ всю систему русскаго письма и предлагаютъ проекты *усовершенствованія* правописанія.

2. Въ болѣе узкомъ смыслѣ существующее правописаніе разсматривается болѣе съ педагогической точки зрѣнія, со сто-

роны тѣхъ затрудненій, какія встрѣчаются при изученіи его въ школѣ. Авторы изслѣдованій этого рода предлагаютъ измѣнять въ письмѣ только то, что послужитъ къ его *упрощенію*. Такъ какъ, съ распространеніемъ грамотности во всѣхъ слояхъ общества, письмо все болѣе и болѣе дѣлается общей потребностью и предметомъ широкаго употребленія, то проекты упрощенія орѳографіи стремятся удовлетворить положенію: орѳографическая система письма должна быть на столько проста, чтобы люди, получающіе элементарное образованіе, могли безъ большого труда овладѣть ей и впослѣдствіи чаще и легче прибѣгать къ письму, какъ къ одному изъ наиполезнѣйшихъ для себя и для другихъ техническихъ знаній.

Названныя цѣли приводятъ къ одной задачѣ: нужно реформировать русское правописаніе, чтобы сдѣлать его болѣе раціональнымъ и удобнымъ для пользованія.

Проекты реформы у насъ, какъ и вездѣ, встрѣчаютъ горячіе протесты въ рядѣ книгъ и статей, въ которыхъ доказывается важность сохраненія существующаго правописанія.

Нужно различать сочиненія о правописаніи по этимъ двумъ родамъ, чтобы избѣжать различныхъ недоразумѣній и недоумѣній. Такъ, сторонники реформы школьнаго правописанія иногда предлагаютъ, къ своей невыгодѣ, въ новой системѣ письма введеніе буквы *ћ* для особаго рода *г*, которое мы слышимъ въ немногихъ словахъ (Боћа, ћосподь, блаћо и др.), но это будетъ научное усовершенствованіе письма, а никакъ не упрощеніе: въ школьной практикѣ и употребленіи оно создастъ немалое затрудненіе.

Къ проектамъ упрощеной орѳографіи нельзя также примѣнять тѣхъ требованій, какимъ должна отвѣчать совершенная система письма, созданная сообразно съ требованіями науки. Поэтому рѣшительно осуждать небольшія неточности, которыя допускаются въ подобныхъ проектахъ (напр., *ъ* въ *съѣзд*), можно только въ томъ случаѣ, когда эти неточности могутъ быть устранены безъ осложненія той системы письма, которая пред-

лагается въ проектахъ. Такъ, критикъ Одесскаго проекта упрощеннаго правописанія, одобряя этотъ проектъ за предложеніе писать *жи*, *ши* (не *жы*, *шы*), считаетъ необходимымъ это правописаніе потому, что *ж* въ *жизнь* и т. п. случаяхъ произносятся не такъ твердо, какъ напр. *б* въ *былъ*. Но отъ школьнаго или общеупотребительнаго письма, конечно, нельзя требовать обозначенія среднихъ степеней мягкости или твердости согласныхъ. Это можетъ быть точно передано только особыми знаками. Въ различеніи такихъ тонкостей нѣтъ нужды. Мы не различаемъ, напр., разную степень открытости гласныхъ звуковъ въ случаяхъ, подобныхъ *мѣлъ* и *мель* (*е* на мѣстѣ *ѣ*). А если мы хотимъ обозначить написаніемъ *жизнь*, что *ж* здѣсь произносится не вполнѣ твердо, то впадемъ въ болѣе грубую ошибку, потому что данное написаніе показываетъ совершенно мягкое произношеніе, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. При томъ нельзя допустить въ раціональной системѣ письма, чтобы одинаковые знаки имѣли разныя значенія: *б* въ *билъ* передъ *и* означаетъ мягкость, а *ж* въ *жизнь* передъ *и* означаетъ неполную твердость, но не мягкость.

Въ вопросѣ о правописаніи необходимо еще имѣть въ виду и вопросъ объ удобствахъ письма и печати, въ зависимости отъ числа графическихъ знаковъ. Такъ, введеніе буквы j для существующаго въ нашемъ языкѣ звука, служа къ научному усовершенствованію русскаго письма, послужило бы къ большому затрудненію писанія и печатанія, потому что при этомъ, вслѣдствіе сильно развитой у насъ мягкости согласныхъ, значительно увеличилось бы число буквъ русской азбуки. Однѣхъ согласныхъ буквъ было бы 34 (*б* и *б'*, *в* и *в'*, *г* и *г'*, *д* и *д'* и т. д.). Нельзя, впрочемъ, дѣло упрощенія орѳографіи разсматривать отдѣльно отъ другихъ болѣе старыхъ вопросовъ о недостаткахъ нашего правописанія. Требованія совершенной орѳографіи и требованія упрощенной, которая должна имѣть научную основу, въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ, такъ что сторонники упрощеннаго школьнаго правописанія находятъ

для своихъ предложеній авторитетныхъ защитниковъ въ старыхъ и новыхъ лучшихъ изслѣдователяхъ по части русской грамматики.

Возникновеніе вопроса объ упрощеніи правописанія.

Мы посвятимъ свое дальнѣйшее изложеніе преимущественно исторіи вопроса объ упрощеніи правописанія въ цѣляхъ школьнаго преподаванія. Въ этомъ видѣ вопросъ орѳографіи возникъ не очень давно: первое оживленное его обсужденіе происходило въ 60-хъ гг.; второе, еще болѣе дѣятельное, происходитъ въ наше время.

Раньше вопросъ объ упрощеніи правописанія въ интересахъ обученія и не могъ возникнуть, потому что школъ было мало. Хотя въ учебныхъ грамматикахъ и школьныхъ уставахъ XVIII вѣка и помѣщается правописаніе, но въ учебныхъ заведеніяхъ, по свидѣтельству Сумарокова, ему не обучали. Небольшое число писателей и ученыхъ, знакомыхъ съ орѳографіею, писало довольно непослѣдовательно и мало смущалось этимъ. Составитель «Опыта новаго россійскаго правописанія» В. С. (Свѣтовъ) говоритъ, что оно въ то время было «подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чѣмъ нибудь въ правописаніи отъ другаго. Сіе происходитъ», говорилъ онъ, «или отъ незнанія Грамматическихъ правилъ и недовольнаго чтенія хорошихъ книгъ, или отъ своенравія и упрямства» (стр. 7 по 2-му изд., Спб. 1787 г.).

Позднѣе, въ XIX столѣтіи, Карамзинъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» говоритъ, что у насъ едва ли найдется сто человѣкъ, которые могутъ писать правильно.

Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія требованія по орѳографіи были такъ невелики, что въ Московскій университетъ, по показанію Ѳ. И. Буслаева, поступали молодые люди съ такимъ плохимъ правописаніемъ, что на первомъ курсѣ на-

добно было объяснять студентамъ знаки препинанія и элементарныя правила объ употребленіи *ѣ* и другихъ буквъ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1866 г.).

Но какъ только возникъ школьный вопросъ: вопросъ о распространеніи грамотности въ Россіи и увеличеніи числа школъ, тотчасъ поднялся вопросъ и о правописаніи: именно, объ упрощеніи правописанія, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго изученія грамоты и родного языка.

Проектъ орѳографическихъ собраній 1862 года.

Въ журналѣ «Учитель» 1862 г., стр. 131, февраль, появилось оповѣщеніе «для учителей русскаго языка, находящихся въ Петербургѣ», что, по предложенію В. Я. Стоюнина, въ Педагогическомъ собраніи (такія собранія происходили 2 раза въ мѣсяцъ при 2-ой С.-Петербургской гимназіи) 20 января рѣшено пригласить преподавателей русскаго языка, чтобы придти къ соглашенію въ общихъ орѳографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные пункты, упростить самую орѳографію. Въ оповѣщеніи предварительно указывалось, что «запутанность русской орѳографіи обращала на себя вниманіе многихъ. Стремленіе, сколь возможно, упростить ее замѣтно въ нѣкоторыхъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ; но отъ неопредѣленности филологическихъ основаній произошло то, что чуть не у каждаго журнала явилась своя орѳографія.... Учителя въ преподаваніи затрудняются при изложеніи многихъ прежде принятыхъ орѳографическихъ правилъ, встрѣчая имъ противорѣчія въ современной печати, на которую нерѣдко указываютъ ученики. Кромѣ того многія *условныя* правила, существующія въ нашемъ письмѣ безъ всякихъ филологическихъ основаній, составляютъ только излишнія трудности при изученіи языка, а у иныхъ учителей служатъ даже поводомъ къ наказанію оплошныхъ учениковъ». Сообщалось, что и нѣкоторые редакторы періодическихъ изданій желали участвовать въ собраніяхъ, поэтому являлась

надежда, что «упрощенная ороографія можетъ быстро перейти и въ печать» (132 стр.).

Первое ороографическое собраніе происходило 10 марта; присутствовало болѣе 100 человѣкъ; предсѣдательствовалъ П. М. Перевлѣсскій. Иниціаторъ ороографическихъ совѣщаній, В. Я. Стоюнинъ открылъ засѣданіе своимъ рефератомъ. Въ немъ онъ указывалъ на главные положенія и факты, которые необходимо имѣть въ виду. Въ основѣ русскаго письма лежитъ церковнославянская ороографія, которая постепенно сближалась съ живой, устной рѣчью. Болѣе устойчивой наша ороографія является съ печатью: тогда она усвоиваетъ извѣстныя правила и старается ихъ держаться, несмотря на то, что самый литературный языкъ съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе сближается съ народнымъ. Попытки нашихъ писателей состояли въ томъ, чтобы приблизить ороографію къ живому произношенію словъ (такъ, Лажечниковъ въ романѣ «Басурманъ» писалъ: *ево*, *этова*; *въ чомъ* и др.). «Другого рода попытки и стремленія выказываются въ... періодическихъ изданіяхъ; они касаются только частностей, мелочей, не выходя изъ какихъ-нибудь общихъ опредѣленныхъ основаній, отчего встрѣчается множество противорѣчій, сбивчивости, шаткости». Приглашая слушателей къ обсужденію ороографическихъ вопросовъ, В. Я. Стоюнинъ находилъ возможнымъ соглашеніе, если не во всемъ, то во многомъ или въ нѣкоторыхъ частяхъ, замѣчая, что «ороографія вовсе не есть дѣло коренныхъ или основныхъ убѣжденій человѣка, которыя каждому должны быть святы и отъ которыхъ трудно отказаться» (265 стр.).

«Главная цѣль наша», замѣчалъ онъ, «должна состоять, во первыхъ, въ томъ, чтобы согласиться уничтожить тѣ ороографическія противорѣчія и несогласія, какія существуютъ въ современной печати, основавшись на какихъ-нибудь опредѣленныхъ началахъ, отчего и самая ороографія должна упроститься; во вторыхъ, обсудить тѣ *условныя* правила, которыя, войдя въ наши грамматики, хотя и не составляютъ предмета спора, но

тѣмъ не менѣе затрудняютъ учащихся безъ всякой нужды и пользы» (265 стр.).

Указывая на два главныя основанія существующей орѳографіи — этимологическое производство и произношеніе, В. Я. Стоюнинъ не находилъ возможнымъ, вникнувъ въ дѣло и въ историческое развитіе нашей письменности, отдавать предпочтеніе ни одному изъ нихъ. Принявъ въ основаніе словопроизводство, мы должны бы были измѣнить многія принятыя написанія, которыя явились оттого, что произношеніе оказывало вліяніе на орѳографію. Вмѣсто упрощенія это могло бы привести къ затрудненію. Письмо по произношенію казалось автору реферата еще болѣе недопустимымъ. «Письменность существуетъ для всего народа, а мѣстные говоры чрезвычайно разнообразны, и слѣдственно орѳографія должна быть общая и такая, которая бы не затрудняла никого изъ русскихъ, какимъ бы нарѣчіемъ ни говорилъ онъ. Принявъ московское нарѣчіе, какъ основаніе языка образованнаго класса общества, мы тѣмъ самымъ затруднили бы другимъ чтеніе. Чтобъ этого не было, необходимо должно сохранить и этимологическое словопроизводство, которое составляетъ крѣпкую связь между всѣми нарѣчіями» (266 стр.).

Находя, что нельзя устранить ни этимологическаго, ни фонетическаго основанія изъ нашего письма, референтъ предлагалъ собравшимся «опредѣлить отношеніе между тѣмъ и другимъ и обсудить, въ какихъ случаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія», сохраняя въ основаніи принятое историческое письмо, въ которомъ заключается «и филологическая сторона и давняя привычка, обратившаяся въ законъ».

Въ заключеніе, съ своей стороны, В. Я. Стоюнинъ предложилъ на общій судъ нѣсколько предположеній, подробно мотивированныхъ, служащихъ къ ограниченію словопроизводства:

1. Слова иностранныя, принявшія русскія окончанія и приставки, писать согласно съ нашимъ произношеніемъ (христіяне, офиціальный, голанецъ).

2. Не означать удвоенія согласныхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ

произношенiи (искуство, рускiй, расказъ). Предлоги, оканчивающiеся на *з*: *воз*, *низ*, *раз*, *из*, *без*, *чрез*, — писать по произношенiю (рассвѣтъ, расказъ, беспредѣльный, чересполосный и т. п.).

3. Для звука *е* подъ ударенiемъ ввести изображенiе *ё*, которое употреблять и въ словахъ, подобныхъ: *жоны*, *чорный*, *ещё* и др. Въ нихъ *ё* будетъ указывать на основной звукъ *е*, а произноситься какъ *о*, потому что оно «иначе и не можетъ произнестись русскими устами» (267 стр.).

4. Сочетанiя звуковъ писать по произношенiю (*щ*етъ, *щ*астiе, розыгрышъ, сыскать).

5. Обратить вниманiе на нѣкоторыя окончанiя именъ прилагательныхъ: *ый*, *iй*, *ой*, *аго*, *ого*, *ые*, *ыя* и подоб. Находя затруднительнымъ ввести въ правописанiе именъ прилагательныхъ единственнаго числа окончанiя живого языка, авторъ въ данномъ случаѣ предлагаетъ «для единства», писать въ родительномъ падежѣ единственнаго числа окончанiе *аго* и подъ ударенiемъ: *слѣпаго* и под. Условное различiе между *ыя* и *ые* онъ предлагаетъ уничтожить, замѣчая, что «въ произношенiи у насъ слышится всегда *я*», которое и слѣдуетъ писать (268 стр.).

6. Слова, этимологiя которыхъ не ясна, сомнительна или забыта, писать по произношенiю, хотя бы филологiя точно указывала намъ правописанiе; особенно слова съ *ѣ*: л*е*карь, л*е*чить, тел*е*га, п*е*сокъ и др. «Чѣмъ меньше будетъ число словъ съ буквой нелюбимой», говорилъ докладчикъ, «ненавистной, вражеской для учащихся и для многихъ выучившихся..., тѣмъ лучше. Многiе сказали бы слава Богу и даже отслужили бы благодарственный молебенъ, если бы можно было ее совсѣмъ уничтожить» (268 стр.).

7. Тамъ, гдѣ существуетъ орѳографiя русская и старославянская, лучше дать предпочтенiе первой: ро*ж*ество, ро*ж*ественскiй, уро*ж*енецъ.

Разсмотрѣнiе вопросовъ правописанiя предлагалось въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Обсужденiе общихъ основанiй орѳографiи. II. Разсмотрѣнiе русской азбуки. III. Пересмотръ всѣхъ разно-

гласій въ орѳографіи по частямъ рѣчи. IV. Знаки препинанія. V. Дополненія или предложенія, не подходящія подъ указанные отдѣлы.

Послѣ обсужденія перваго вопроса собраніе пришло къ не совсѣмъ ясному, неудачно изложенному заключенію: «держаться этимологическаго начала (словопроизводства) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть несогласіе между русскимъ говоромъ и языкомъ церковно-славянскимъ; гдѣ же они не противорѣчатъ, тамъ можно допустить начало фонетическое» (269 стр.). Т. е., по первому положенію писать, напр., *садъ* съ *д*, *возвратился* съ *я*. Второе положеніе не ясно — ни само по себѣ, ни по другимъ даннымъ отчета.

При разсмотрѣніи русскаго алфавита прежде всего рѣшено было исключить букву *ѳ*; предложеніе же ввести *ё* встрѣтило возраженія. Рѣшеніе вопроса о *ё* и *объ исключеніи буквъ і* и *э* отложено до слѣдующаго засѣданія.

Второе совѣщаніе объ упрощеніи русской орѳографіи происходило 24 марта. Предсѣдатель его, І. И. Паульсонъ, предложилъ на обсужденіе обойденный на первомъ засѣданіи общій вопросъ: нужно ли дѣлать *коренныя* преобразованія орѳографіи, такъ какъ на первомъ засѣданіи нѣкоторые доказывали необходимость исключить изъ алфавита лишнія буквы, что должно отнести къ коренному преобразованію. Собраніе, опредѣливши считать кореннымъ преобразованіемъ такое, «которое клонится къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми», большинствомъ голосовъ высказалось въ пользу коренного преобразованія, имѣя въ виду облегчить русскому народу обученіе грамотѣ устраненіемъ множества орѳографическихъ правилъ.

На второмъ собраніи читался рефератъ В. Ѳ. Кеневича о лишнихъ буквахъ въ нашей азбукѣ. Такими буквами онъ призналъ *ѣ, ъ, ь, ѳ, і*. Собраніе, послѣ долгихъ споровъ о буквѣ *ѣ*, сдѣлало нерѣшительное постановленіе: «заявить общее мнѣніе о разумности исключенія буквы *ѣ* изъ алфавита и выразить желаніе дѣйствительно уничтожить ее въ печати для облегченія учащихся;

о средствахъ же, какъ примѣнять всѣ подобныя рѣшенія къ дѣлу, положило поговорить въ одно изъ слѣдующихъ совѣщаній» (302 стр.). Но затѣмъ уже смотрѣли на букву *ѣ* какъ на уничтоженную.

Третье и четвертое совѣщанія, 31 марта и 13 апрѣля, были посвящены рѣшенію оставшихся открытыми вопросовъ о буквахъ азбуки: *ъ*, *ь*, *и*, *э*. Послѣ долгихъ преній остановились на слѣдующемъ основаніи: «Каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; для каждаго звука должна существовать въ азбукѣ только одна буква; знакъ не соотвѣтствующій никакому звуку не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ» (345 стр.).

Но прежде всего говорили объ уничтоженіи *ъ* и *ь*, согласно съ рефератомъ Кеневича, предлагавшимъ исключить изъ азбуки *ъ* и *ь*, надъ согласною, произносимой мягко, ставить надстрочный знакъ, вмѣсто же *ъ* въ срединѣ слова ставить черточку (тире). Защитники «ера» и «еря» говорили, что эти буквы служатъ къ объясненію происхожденія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ; что къ нимъ такъ привыкли, что трудно предполагать, чтобы предлагаемая новизна вошла въ употребленіе; что «и та, и другая буква не представляетъ никакого затрудненія для начинающихъ учиться читать» (! ?); что если вмѣсто буквъ *ъ* и *ь* нужно вводить знаки, то это доказываетъ, что эти буквы не лишнія въ нашемъ алфавитѣ; что въ народѣ замѣтно сильное стремленіе читать книги религіознаго содержанія съ печатью церковною: поэтому гражданская азбука, слишкомъ отличная отъ церковной, будетъ въ разныхъ отношеніяхъ неудобна.

Въ опроверженіе или ослабленіе этихъ мнѣній было высказано, что этимологическое значеніе *ъ* и *ь* можетъ быть разъяснено только въ высшемъ курсѣ грамматики, въ которомъ умѣстно разъяснять значеніе исключенныхъ буквъ *ъ*, *ь*, *ѣ*, какъ это и дѣлается съ *юсами*, исключенными изъ русской печати при Петрѣ В. Что касается до практической стороны исключенія, то въ собраніи было высказано мнѣніе, нашедшее большое со-

чувствіе: установить раціональную систему письма всего легче теперь, когда только что начинають приступать къ распространенію грамотности въ массѣ народа; потомъ, съ каждымъ годомъ, всякая реформа будетъ затруднительнѣе. Преподаватели воскресныхъ школъ, обучающіе грамотѣ, возразили, что *ъ* и *ь* затрудняютъ въ обученіи: ученикъ въ буквѣ ищетъ звука, а *ъ* и *ь* только знаки. Относительно разницы между церковной и гражданской печатью говорили, что церковная печать сама стремится къ сближенію съ гражданской, выбрасывая многое изъ стараго; что духовенство стало заботиться издавать библію въ переводѣ на современномъ языкѣ, печатая ее уже гражданскимъ шрифтомъ; что для развитія народной нравственности духовенство должно будетъ заботиться о томъ, чтобы облегчать, а не затруднять народу чтеніе духовныхъ книгъ.

Вопросъ о знакѣ смягченія вмѣсто *ь* возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Оказалось, что предлагаемый г. Кеневичемъ «знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ» (346 стр.).

«Собраніе единодушно признало удобнымъ внести въ алфавитъ букву *ё*, тѣмъ болѣе, что она не представляетъ новизны, которая могла бы на первый разъ затруднять чтеніе: въ нашей печати она давно уже употребляется въ нѣкоторыхъ словахъ, и потому всѣмъ уже знакома. Наконецъ при исключеніи *ѣ* признано *ё* особенно полезнымъ и необходимымъ для различія нѣкоторыхъ словъ въ письмѣ, напр. *мелъ и мёлъ*, *все* и *всё* и др.» (346 стр.). Послѣ *ж, ч, ш, щ* рѣшили писать *ё*, при чемъ, между прочимъ, желали избѣгнуть написаній: *печош*, *печот*, *жжом*, *жжоте*.

Изъ двухъ *и* рѣшили, по большинству голосовъ, оставить *і*, имѣя въ виду «типографскія удобства», а вмѣсто *й* — ввести *і* съ краткимъ знакомъ. Предлагали также оставить *и*, для котораго въ скорописи не нужно отрывать пера для надстрочнаго знака, при чемъ удобно сохранить и старое *й*, къ которому всѣ привыкли.

Вопросъ о сохраненіи *э* былъ рѣшенъ единодушно безъ всякихъ споровъ, на томъ основаніи, что всякій существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть въ алфавитѣ соотвѣтствующую букву; существованія же чистаго звука *е* никто не можетъ отрицать въ русскомъ языкѣ.

Отчетъ о 3 и 4 совѣщаніяхъ напечатанъ уже по предлагаемой орѳографіи безъ *ѣ*, безъ *ѣ*, но пока съ *ъ* и *й*, такъ какъ въ типографіяхъ не было шрифта для соотвѣтствующихъ имъ новыхъ знаковъ.

При чтеніи этихъ отчетовъ теперь употребленіе вездѣ *і* кажется въ этой орѳографіи непріятнымъ для глаза. Дѣло въ томъ, что *и* несравненно чаще употребляется въ нашемъ письмѣ, къ нему мы поэтому гораздо больше привыкли. Затѣмъ по своей формѣ *и* гораздо больше подходитъ къ другимъ буквамъ нашей азбуки, состоящимъ изъ двойныхъ или симметричныхъ частей (сравните русскія *л*, *т* и латинскія *l*, *t*).

Пятое орѳографическое совѣщаніе было посвящено чтенію и обсужденію новаго реферата В. Я. Стоюнина. Въ этомъ рефератѣ подводились итоги тому, что сдѣлано на предыдущихъ собраніяхъ. Авторъ реферата такъ поставилъ вопросъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ на совѣщаніяхъ, что эти рѣшенія должны были остаться безъ практическаго значенія. «Мы признали разумнымъ», читалъ онъ, «исключить *ѳ*, *ѣ*, *ѣ*, *ъ*, *и* .... Но всѣ эти исключенія мы можемъ заявить только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орѳографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать, не въ нашей власти, поэтому... нельзя ихъ вводить и въ педагогическую практику, пока онѣ не примутся въ печати. Покончивъ дѣло съ этимъ вопросомъ, теперь мы можемъ приступить къ другимъ, болѣе практическимъ, съ которыми у преподавателей соединяется вопросъ о настоящей минутѣ, т. е. какъ *теперь* учить писать въ тѣхъ или другихъ сомнительныхъ или колеблющихся случаяхъ? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ мы должны забыть свои уже высказанныя желанія, которыя могутъ осуществиться только въ далекомъ

будущемъ (легко же могутъ и совсѣмъ не осуществиться), а имѣть въ виду только возможное въ настоящемъ при тѣхъ наличныхъ средствахъ, которыя уже имѣются въ общемъ употребленіи. Слѣдственно въ этихъ предѣлахъ настоящаго для насъ въ педагогической практикѣ существуетъ еще (хотя бы даже и незаконно) и *ѣ*, и *ъ*, и *ь*, и оба *і* (развѣ можно отказаться только отъ одной *ѳ*), а потому и вопросы, касающіеся ихъ употребленія, должны рѣшаться безъ указанія на то, что онѣ уничтожены» (401 стр.).

Послѣ реферата обсуждались предложенія В. Я. Стоюнина о правописаніи *ы* вмѣсто *ъи*, объ употребленіи буквы *щ* на мѣстѣ *сч* или *зч*, о необозначеніи на письмѣ удвоенія согласной, если его нѣтъ въ произношеніи. Предложеніе писать *розыгрышъ*, *сыскать*, *предыдущій* и др. под. было принято единодушно; два другія возбудили пренія. По первому вопросу большинство рѣшило: сохранить орѳографію по этимологіи въ словахъ предложныхъ (*изчезнуть*, *счетъ*), а въ прочихъ случаяхъ писать *щ* (*извощикъ*, *закащикъ*); по второму вопросу, при сборѣ голосовъ, большинство оказалось за предложеніе В. Я. Стоюнина.

В. Я. Стоюнинъ извѣстенъ какъ дѣльный ученый и какъ замѣчательный педагогъ. Ему принадлежитъ честь иниціативы вопроса объ орѳографическихъ собраніяхъ. На этихъ собраніяхъ онъ является не только болѣе дѣятельнымъ работникомъ, но и участникомъ, лучше всѣхъ подготовленнымъ къ рѣшенію предлагаемыхъ вопросовъ. Но, настаивая на томъ, чтобы не вводить новой орѳографіи въ педагогическую практику до принятія ея печатью и ограничивъ дѣло теоретической стороной, такъ что въ школѣ все должно было остаться по старому, онъ же отнялъ у собраній ихъ цѣль и значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, собранія начались съ того, чтобы привести орѳографію къ такому упрощенному состоянію, «чтобы было больше возможности каждому учащемуся скорѣе овладѣть орѳографическою стороною письма». При томъ предполагалось, что участвующіе въ собраніяхъ педагоги въ своей учебной практикѣ будутъ держаться новой орѳографіи

(132 стр.). А теперь остановились на томъ, чтобы не вводить въ школу ничего новаго, пока предлагаемые проекты не осуществятся помимо школы, въ печати, на что выражалось очень мало надежды. И справедливо, потому что печать имѣетъ свои задачи, не совпадающія съ интересами школы. Впрочемъ, В. Я. Стоюнинъ до конца совѣщаній признавалъ нужнымъ произвести упрощеніе орѳографіи по проекту собраній. Онъ былъ лишь почему-то только противъ того, чтобы въ дѣлѣ реформы школа стояла впереди. Между тѣмъ самъ же ставилъ и впослѣдствіи, на 7-мъ совѣщаніи, задачей составляемаго проекта упрощеніе правописанія для облегченія учащихся. Я. К. Гротъ, склонный приписать покойному педагогу охранительную роль, едва ли не ошибался, будучи, повидимому, не знакомъ съ его послѣдующею запискою («Филологич. разыск.» т. II, Спб. 1876, стр. 229 и 233).

Шестое совѣщаніе, 12 мая, посвящено было главнымъ образомъ вопросу о правописаніи предлоговъ, оканчивающихся на *з*. Была прочитана обстоятельная записка г. Кеневича, въ которой излагалась разница въ существующемъ правописаніи этихъ предлоговъ и давался критическій разборъ принятыхъ правилъ. Собраніе согласилось съ предложеніями гг. Стоюнина и Кеневича и приняло рѣшеніе: писать эти предлоги по произношенію безъ всякихъ исключеній (*рассвѣтъ*, *расцвѣтъ*, *бесконечный*). Несогласія возникли только по вопросу объ удвоеніи согласныхъ буквъ, если не слышится удвоенія звука, и большинство рѣшило писать удвоенный согласный по производству (рассказъ), вопреки рѣшенію предыдущаго собранія (расказъ).

Затѣмъ принято было предложеніе Стоюнина «писать иностранныя слова сообразно съ нашимъ произношеніемъ, не вводя для нихъ никакихъ новыхъ знаковъ и буквъ, а пользуясь только наличными средствами русскаго алфавита» (610 с.). Писать: *эпитрахиль*, *эктенья*, *граматика*, *маёръ* и др. Приняты были также предложенія В. Я. Стоюнина, касающіяся фонетики русскихъ и иностранныхъ словъ, изложенныя въ первомъ рефератѣ, съ нѣкоторыми дополненіями. Послѣ 6-го совѣщанія орѳографиче-

скія собранія отложены были до осени и, возобновившись въ слѣдующемъ учебномъ году, не довели дѣла до полнаго конца.

Отчетъ о шестомъ совѣщаніи напечатанъ былъ по обыкновенной орѳографіи. Дальше редакція журнала «Учитель» помѣстила нѣсколько проектовъ по орѳографіи, присланныхъ въ собранія. Проекты эти, по большей части, составлены людьми, недостаточно подготовленными для того, чтобы съ пользою разсуждать о дѣлѣ. Они говорятъ о вещахъ или неновыхъ, или трудно примѣнимыхъ къ дѣлу и мало нужныхъ, въ родѣ, напр., замѣны русской азбуки латинскою.

Въ 1863 году въ томъ же журналѣ «Учитель» помѣщенъ отчетъ о седьмомъ орѳографическомъ собраніи, происходившемъ 8 декабря, и восьмомъ — 12 января (стр. 95—98). Первое открылось чтеніемъ записки В. Я. Стоюнина, который находилъ, что коренной вопросъ орѳографіи: о лишнихъ буквахъ азбуки — нужно считать рѣшеннымъ: «Большинство выразило желаніе исключить лишнія буквы, основавшись на разумныхъ доводахъ, которые не были никѣмъ достаточно опровергнуты. Статьи, напечатанныя въ нашихъ газетахъ и журналахъ въ пользу осужденныхъ буквъ, вызывали другія противъ нихъ съ доказательствами болѣе сильными и убѣдительными. Дальнѣйшая судьба ихъ зависитъ уже не отъ насъ, а отъ печати». Составитель записки предлагалъ обратиться къ рѣшенію частныхъ вопросовъ орѳографіи, которые были еще не разсмотрѣны на предыдущихъ собраніяхъ.

На этихъ двухъ собраніяхъ были приняты большинствомъ, большею частію по предложенію В. Я. Стоюнина, слѣдующія правила:

1) писать прописныя буквы только въ именахъ собственныхъ; поэтому писать съ малой буквы такія слова, какъ петербургскій университетъ (= находящійся въ Петербургѣ; но: Петербургская сторона = извѣстная часть Петербурга), названія чиновъ, титуловъ, учрежденій; 2) принять русское окончаніе *ого* въ тѣхъ прилагательныхъ родительнаго пад. ед. числа

мужескаго рода, которыя въ именительномъ падежѣ имѣютъ русское же окончаніе *ой*, т. е. подъ удареніемъ; 3) въ прилагательныхъ именительнаго падежа множественнаго числа принять окончанія *ыя*, *ія* для всѣхъ родовъ; 4) писать *они*, *одни* безъ различія рода, такъ какъ формы на *ѣ* для женскаго рода установлены безъ филологическихъ основаній, а требуютъ отъ учениковъ большого навыка въ письмѣ.

На 8-мъ собраніи начали обсуждать послѣдніе очередные вопросы: о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ и о знакахъ препинанія, но по сложности вопросовъ и вслѣдствіе поздняго времени рѣшеніе ихъ отложили до слѣдующаго собранія, котораго вовсе не было.

Въ тогдашней журналистикѣ поднятый собраніями вопросъ объ упрощеніи и упорядоченіи правописанія встрѣтилъ больше сочувствія, чѣмъ сопротивленія. Изъ статей, вызванныхъ дѣятельностью педагогическихъ собраній по орѳографіи, самой замѣчательной нужно считать написанную Я. К. Гротомъ и напечатанную въ «Современной Лѣтописи» 1862, № 28. Она озаглавлена: «По поводу толковъ о правописаніи» и въ первоначальномъ видѣ содержитъ нѣсколько интересныхъ для насъ подробностей, опускавшихся при дальнѣйшей ея перепечаткѣ.

Такъ, Я. К. Гротъ не придаетъ правописанію общественнаго или культурнаго значенія. «Посреди важныхъ вопросовъ», говорится въ началѣ статьи, «занимающихъ наше общество, совѣстно было бы бесѣдовать съ читателями объ орѳографіи, если бъ и этотъ скромный предметъ не удостоился обратить на себя почти общее вниманіе. Впрочемъ такое неожиданно выпавшее на его долю счастіе доказываетъ, что ничто, относящееся къ родному языку, не лишено интереса для образованной части націи».

Окончательное мнѣніе Я. К. Грота о лишнихъ буквахъ азбуки высказано слѣдующимъ образомъ:

«Ѳ должна быть исключена изъ русской азбуки безусловно. *И* можетъ быть исключено безъ существенныхъ неудобствъ. *Ъ* оказывается излишнимъ въ концѣ словъ, и потому употребленіе его можетъ быть ограничено».

Буква *ѣ*, какъ извѣстно, нашла въ покойномъ академикѣ своего защитника. Признавая, что въ произношеніи она «въ нынѣшнемъ великорусскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ *е*», онъ находилъ однако нужнымъ удержать ее въ русскомъ письмѣ по тѣмъ же основаніямъ, которыя были приведены Ломоносовымъ: 1) слѣды особаго древняго звука *ѣ* остались у нѣкоторыхъ славянъ (поляковъ, чеховъ, малороссовъ), 2) въ письмѣ буква *ѣ* служитъ для различенія подобозвучныхъ словъ и частей словъ (*свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*, *искреннѣе* и *искреннее*, *мѣт* въ *мѣтить* и *мет* въ *метать*, *въ полѣ* и *въ поле* и подобн.).

На эти мнѣнія Я. К. Грота за сохраненіе *ѣ* написаны возраженія В. Ѳ. Кеневичемъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1862 года, № 314. Авторъ возраженія стоялъ на томъ, что алфавитъ не долженъ показывать генетической зависимости языковъ. Онъ указывалъ, что хотя наше *ѣ* и соотвѣтствуетъ въ польскомъ языкѣ *ia* (biały, wiara — бѣлый, вѣра), но во множествѣ словъ, имѣющихъ въ русской орѳографіи *ѣ*, въ польской находится не *ia*, а другія буквы, что иногда *ia* является тамъ, гдѣ у насъ *е* (dziarski, wiadro — дерзкій, ведро). Отсюда авторъ статьи выводитъ, что буква *ѣ* не имѣетъ прочнаго мѣста въ нашемъ письменномъ языкѣ, въ которомъ она употребляется лишь по преданію и часто неправильно. Отличеніе же на письмѣ буквами *ѣ* и *е* словъ разнаго значенія не можетъ входить въ задачу письма, которое вообще не указываетъ значенія отдѣльныхъ словъ внѣ фразы (*тому*, *замокъ*, *ключъ* и под.); различать же буквами *ѣ* и *е* корни словъ даже и не слѣдуетъ, такъ какъ *е* и *ѣ* чередуются въ словахъ одного корня (древнія: *изметну* и *помѣтаетъ*, *летящее* и *лѣтаніе* и под.).

Проекты М. А. Тулова, Р. Ѳ. Брандта и г. В. Куницкаго.

Въ 1874 году въ Кіевѣ вышла очень дѣльная книга извѣстнаго въ краѣ педагога М. А. Тулова: «Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ. Пособіе для обучающихъ русской грамотѣ». Первоначально цѣль этой книги была познакомить учащихъ «съ артикуляціей звуковъ и выяснить значеніе нѣкоторыхъ начертаній русской азбуки, затрудняющихъ обученіе чтенію по звуковому способу». «Намъ не разъ приходилось слышать», говоритъ авторъ, «какъ дѣти спрашивали своихъ учителей: почему въ словѣ *городъ* на концѣ буква *д*, а не *т*, которую дитя, судя по звуку слова, надѣялось въ немъ встрѣтить;... почему буква *с* согласная, а не гласная, хотя тоже можетъ быть произнесена сама по себѣ; почему буквы *н*, *я*, составляютъ слогъ *ня*, а не *нъя*? Безъ сомнѣнія, ни для умственнаго развитія дитяти, ни для успѣховъ ученія, не безразлично, какъ отнесется учитель къ подобнымъ вопросамъ и что́ отвѣтитъ. Удовлетворительно отвѣтить можетъ только учитель, имѣющій ясное понятіе о свойствахъ элементарныхъ звуковъ языка и о значеніи начертаній, выражающихъ эти звуки» (Предисловіе, стр. I).

Во второмъ изданіи своей книги (Кіевъ, 1881) М. А. Туловъ расширилъ свою задачу и предложилъ ввести нѣкоторыя поправки въ русскую азбуку, для того, чтобы она точнѣе выражала звуки нашего языка. Авторъ считалъ, между прочимъ, нужнымъ ввести въ наше письмо *j* и уничтожить буквы *ѣ*, *и*, *ъ*.

Книга Тулова дала поводъ извѣстному поборнику преобразованія ороографіи, проф. Р. Ѳ. Брандту, на страницахъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника» 1881 года высказать свои взгляды на русское правописаніе и на его реформу. Проф. Брандтъ, предлагая основать русское правописаніе на фонетическомъ началѣ, считалъ возможнымъ произвести болѣе радикальныя измѣненія въ русской азбукѣ и дѣлалъ, между прочими, слѣдующія предположенія:

1) Со введеніемъ j устранить буквы я, е, ю послѣ согласныхъ, обозначая мягкость согласныхъ буквою ь (ньанья, сьомга).

2) Не писать ъ въ концѣ словъ.

3) Исключить изъ азбуки ѣ.

Проф. Брандтъ находилъ уничтоженіе ѣ «даже болѣе желательным, чѣм исключеніе ъ, потому что ъ только безполезен, а ѣ — вреден. Научиться употреблять ъ очень легко, а на ѣ убивается много времени и труда;... пользуясь буквою ѣ мы воображаем себѣ, что соблюдаем законы русскаго языка, а въ дѣйствительности кладем его на Прокрустово ложе церковнославянщины: наука говорит нам, что в русском языкѣ древнеславянскій звук ѣ совпал со звуком е, а наше «научное» правописаніе хочет нас увѣрить, что он до сих пор существует! Все, что приводилось и приводится въ пользу ѣ, не выдерживает критики: справедливо только одно—что мы к нему привыкли, и что отсутствіе его нам покажется странным; но мало ли дурных, хотя и глубоко укоренившихся обычаев!» Проф. Брандтъ желалъ уничтоженія буквы ѣ, «чтобы при обученіи юношества родному языку не тратили времени на схоластическія тонкости, а берегли бы его для болѣе полезныхъ занятій»! Далѣе онъ говорилъ, что если ввести новую орѳографію, то она должна существовать для дѣтей, для будущихъ поколѣній и что, разумѣется, нѣтъ никакой нужды, чтобы переучивались писать тѣ, которые уже научились (371 стр.). «Конечно, всѣм пришлось бы познакомиться с новою графикою, чтобы читать писанныя ею книги: но привыкнуть понимать родную рѣчь, хотя бы и облеченную в непривычныя начертанія, дѣло не особенно трудное. Чѣм новое правописаніе для стараго поколѣнія, тѣм для молодого было бы старое: по старому оно училось бы только читать, а научиться читать недолго—даже буква ѣ читается легко, нелегко только писать ее там, гдѣ принято!» (371 стр.).

Свои мнѣнія о примѣненіи въ русскомъ письмѣ фонетическаго начала проф. Брандтъ отчасти повторилъ, отчасти дополнилъ и развилъ въ своей недавней публичной лекціи: «О лженаучности

нашего правописанія», напечатанной потомъ, въ нѣсколько распространенномъ видѣ, въ «Филологическихъ Запискахъ» 1901 года, вып. I—II. Въ литературѣ послѣдняго времени, посвященной вопросу о правописаніи, статья проф. Брандта является наиболѣе интересной и важной. Къ достоинствамъ ея нужно отнести и то, что при всей серьезности содержанія, она изложена очень доступно. Давнишній поборникъ фонетической системы письма, авторъ признаетъ за аксіому, что слѣдуетъ писать такъ, какъ говорятъ, потому что мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить (3 стр.). Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ статьи проф. Брандта можно, впрочемъ, увидѣть, что онъ вовсе не стоитъ за такую коренную реформу русскаго правописанія, которая совсѣмъ не считается ни съ этимологіей, ни съ обычаемъ. Находя вполнѣ цѣлесообразнымъ, практичнымъ и научнымъ провести въ русскомъ письмѣ болѣе послѣдовательно фонетическое начало, онъ готовъ сдѣлать нѣкоторыя уступки принятымъ написаніямъ. Напр., онъ допускаетъ писать: «сильн*ово*» вмѣсто фонетическаго «сильн*ава*», замѣчая, что оба *о*, которыя въ произношеніи замѣняются *а*, легко выясняются изъ сравненія словъ «зло́во» и «тово́», но протестуетъ противъ употребленія въ данномъ окончаніи буквы *г*, которая въ произношеніи отсутствуетъ (41 стр.). Подъ самымъ терминомъ «фонетическое письмо» авторъ вовсе не разумѣетъ «фонетической транскрипціи», «т.-е. письма́, дающаго, съ научною цѣлью, по возможности точное понятіе о русскихъ звукахъ, даже человѣку никогда ихъ не слыхавшему», а имѣетъ въ виду «лишь безхитростное воспроизведеніе живого языка, для житейскаго обихода» (8 стр.).

Лекція начинается критическими указаніями на непослѣдовательность нашей принятой этимологической и исторической ороографіи, на ея условность и произвольность. Въ ней иногда вмѣсто историческо-этимологическихъ начертаній, видимъ узаконенныя употребленіемъ ошибки, которыя въ другихъ случаяхъ мы считаемъ безграмотностью. Такъ, пишемъ по утвердившемуся обычаю «высшій», «низшій», тогда какъ этимологія требуетъ напи-

саній «вы*ш*шій», «ни*ж*шій», гдѣ *ш* и *ж* видны въ «выше» и «ниже». Пишемъ «гдѣ», «здѣсь», «вездѣ», «если» по произношенію вмѣсто «кдѣ», «сдѣсь», «весдѣ», «естьли», какъ слѣдуетъ по исторіи и этимологіи этихъ словъ.

Допуская уступки произношенію, наша орѳографія и здѣсь является по временамъ весьма непослѣдовательной. Такъ, просто по недосмотру, въ извѣстномъ правилѣ о перемѣнѣ *з* на *с* въ *воз*, *низ*, *из*, *раз* отъ данныхъ частицъ отбились приставки *без*, *чрез*, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ даже преимущественное право на букву *с*, такъ какъ въ ней звукъ *с* древній (12 стр.). Пишемъ «горячо́», «свѣжо» съ *о* на концѣ, «но просто забыли допустить это и въ нарѣчіи «еще»[1]), которое, не имѣя при себѣ родственныхъ формъ съ буквою *е* (какъ «горячее», «свѣжее»), даже съ бо́льшимъ удобствомъ могло бы подчиниться произношенію» (13 стр.).

Затѣмъ лекторъ обращаетъ вниманіе на призрачность тѣхъ выгодъ, которыя даетъ историческо-этимологическое письмо. Говорятъ, что оно указываетъ намъ на связь между родственными словами. Но «такія указанія — дѣло совершенно безполезное. Обыкновенно при этомъ взламываютъ отпертую дверь: указываютъ на такую связь, которая и безъ того всякому ясна. Какая надобность подчеркивать родство словъ «лавка» и «лавочникъ», ставя въ обоихъ букву *в*? Усумнимся ли мы въ томъ, что фамиліи «Шапошниковъ» и «Посниковъ» восходятъ къ словамъ «шапка» и «постъ», хотя бы въ первой было написано *шн*, вмѣсто *чн*, а во второй — *сн* вм. *стн*?» (9 стр.). Затѣмъ онъ говоритъ, что «слово употребляется не само по себѣ, а въ предложеніи, такъ что смыслъ его вытекаетъ изъ общей связи и вовсе не нуждается въ поддержкѣ правописанія» (14 стр.). Если и встрѣчаются въ письмѣ такія выраженія, которыя лишь для глаза представляютъ опредѣленный смыслъ, но при произношеніи являются неясными,

---

1) Въ *еще е* на концѣ, замѣтимъ мы, имѣетъ нѣкоторое основаніе: слово это въ рѣчи часто употребляется безъ ударенія. Сравн.: Предложу *ещо* вопросъ. Это *еще* вопросъ: придетъ ли. *Ещо* одно послѣднее сказанье. *Еще* въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ, а воды ужъ весной шумятъ.

то здѣсь мы имѣемъ замаскированное правописаніемъ неудачное употребленіе словъ и выраженій»[1]), гдѣ «слѣдовало бы дать рѣчи иной оборотъ» (15—17 стр.). Наконецъ, по справедливому мнѣнію Р. Ѳ. Брандта, «при писаніи чего бы то ни было, вниманіе наше должно быть обращено на смыслъ и на ясное его выраженіе, а думать о буквахъ — значитъ отвлекаться въ сторону» (42 стр.).

Затѣмъ проф. Брандтъ переходитъ къ вопросу: «Какія могли бы быть предприняты реформы въ нашемъ письмѣ, съ цѣлью упрощенія его и возможно полнаго сближенья съ выговоромъ?» (27 стр.).

1. Первый отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, что въ фонетическомъ правописаніи каждому звуку языка должна соотвѣтствовать одна опредѣленная буква. Поэтому изъ нашей азбуки должны быть исключены ѳ, ѵ, і, ъ, ѣ. При этомъ *ъ* внутри словъ («объявить» и подобн.) замѣняется буквою *ь*, что предлагалось и примѣнялось проф. Брандтомъ и раньше въ «Русскомъ Филол. Вѣстн.».

2. Для проведенія фонетическаго принципа наша азбука нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ. Нужно ввести въ употребленіе букву *ё*, что собственно не будетъ новымъ дополненіемъ азбуки. Нужно ввести особую букву для своеобразнаго согласнаго звука, средняго между *г* и *х*, произносимаго въ словахъ «Господь», «благо» и нѣкоторыхъ другихъ.

3. Послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ, для упрощенія и согласно выговору, слѣдуетъ усвоить себѣ *о*.

4. Вмѣсто *жи*, *ши* писать *жы*, *шы*, также всегда *цы*.

5. Авторъ «рѣшительно» стоитъ за опущеніе нѣмыхъ буквъ. Поэтому должно писать: «прелесный», «позній», серце», «сонце» и т. п.

6. Писать по произношенію *хто* (кто) и *што* (что).

7. Не писать въ прилагательныхъ окончаній *кій*, *гій*, *хій*, замѣнивъ въ нихъ *і* одной изъ буквъ: *ы*, *а*, *о*.

1) Напр. у Жуковскаго: «Золото перетянуло кость» (Двѣ повѣсти).

8. Во множественномъ числѣ прилагательныхъ всѣхъ трехъ родовъ употреблять одно окончаніе *ыи* (*іи*), согласное съ выговоромъ.

9. «Въ области слитнаго и раздѣльнаго писанія словъ фонетическій принципъ клонится къ предпочтенію писанія слитнаго».

10. Относительно прописныхъ буквъ фонетическій принципъ требуетъ, чтобы ихъ вовсе не употребляли, такъ какъ имъ ничего не соотвѣтствуетъ въ произношеніи. Разумное оправданіе имѣетъ только большая буква послѣ точки, какъ болѣе ясный, чѣмъ точка, знакъ предшествующей паузы.

11. На счетъ переноса звуковой принципъ допускаетъ всякое раздѣленіе слова. Не стоитъ переносить одну букву, такъ какъ ее можно умѣстить, если умѣщается переносная черточка. Нѣтъ никакой надобности принимать во вниманіе раздѣленіе на слоги, въ произношеніи вовсе не существующее (?), ни тѣмъ менѣе составъ слова.

12. Чтó касается знаковъ препинанія, то фонетическое письмо является врагомъ запятой, когда она не обозначаетъ никакой остановки, а искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія. Пишемъ: Онъ, конечно, этого, ни въ какомъ случаѣ, не сдѣлаетъ. Нужно: Онъ конечно этого ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаетъ.

Заканчивая лекцію, проф. Брандтъ высказываетъ свои соображенія о примѣненіи предполагаемаго имъ новаго правописанія.

Онъ думаетъ, что введеніе новаго правописанія «едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбудить раздраженія и рѣзкаго отпора» (49 стр.).

Въ жизни и школѣ желательна терпимость къ обоимъ правописаніямъ, а со временемъ старое само собою отойдетъ въ область преданія.

Въ оффиціальной перепискѣ, разумѣется, останется тради-

ціонное письмо. Отступленія отъ него, конечно, безвредны, но могутъ считаться нарушеніемъ приличій.

Къ лекціи приложенъ «Дополнительный экскурсъ о буквѣ ѣ», въ которомъ приведены возраженія противъ помѣщенныхъ въ III выпускѣ «Филологическихъ Записокъ» 1900 года статей Д. Н. Ѳомина и С. Н. Прядкина за сохраненіе буквы *ѣ*.

Въ концѣ приводятся «Положенія о правописаніи», изъ которыхъ приведемъ:

1) Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, т. е. проще.

7) Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

8) Этимологическій элементъ допустимъ въ орѳографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающимъ къ тому не разъ противорѣчивыя данныя.

9) Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и стариннымъ, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

13) Упростивъ орѳографію и получивъ возможность сократить занятія по ней, мы въ школѣ выиграемъ время для другихъ занятій по языку и словесности.

15) Въ вопросахъ правописанія нельзя руководствоваться чутьемъ: тутъ намъ кажется естественнымъ и хорошимъ то, къ чему мы привыкли, хотя бы оно было во всѣхъ отношеніяхъ дурно.

16) Для усвоившихъ уже ходячую грамоту измѣненье ея представитъ нѣкоторое затрудненіе: упрощенье предпринимается не для нихъ, а для будущихъ поколѣній.

Ближайшее отношеніе къ предположеніямъ Р. Ѳ. Брандта

имѣетъ проектъ упрощенія русской орѳографіи г. В. Куницкаго, читанный въ засѣданіи педагогической секціи С.-Петербургскаго Неофилологическаго общества весною 1901 года и напечатанный въ журналѣ «Образованіе» (1901, ноябрь, 33). Поводомъ къ составленію проекта послужилъ декретъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія объ упрощеніи и упорядоченіи французскаго правописанія (31 іюля 1900 г.). Авторъ проекта находитъ, что и намъ «пришло время подумать хотя о нѣкоторомъ упрощеніи и облегченіи нашихъ правилъ орѳографіи», являющейся «немаловажнымъ тормазомъ въ дѣлѣ общественнаго просвѣщенія» (33 стр.).

Указывая, что низшая и средняя школа тратятъ на орѳографію слишкомъ много времени, въ ущербъ другимъ предметамъ обученія, и при томъ еще часто безъ желательныхъ результатовъ, авторъ думаетъ, что слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы дорогое школьное время не тратилось «на усвоеніе искусства, основные принципы котораго не выдерживаютъ научной критики и не оправдываются практикою и удобствомъ дѣла» (34 стр.).

Не желая излишней и ненужной ломки въ орѳографіи, г. В. Куницкій предлагаетъ реформу правописанія, основанную на принципахъ, выдвинутыхъ Туловымъ и проф. Брандтомъ, но проведенныхъ, съ одной стороны, болѣе послѣдовательно, а съ другой, болѣе практично и примѣнительно къ условіямъ школы и жизни (36 стр.).

Проектомъ предлагаются слѣдующія измѣненія въ русской азбукѣ:

1) Введеніе *j* и уничтоженіе буквъ *я*, *ю*, съ обозначеніемъ мягкости согласныхъ буквою *ъ* (*пъатъ*, *тъолка*, *слъуда* и т. п.).

2) Исключеніе буквъ *ѣ*, *ъ*, *ѳ*, *ѵ*, *и*.

Дальнѣйшимъ предположеніямъ авторъ проекта придаетъ значеніе временной мѣры, которую можно допустить до введенія коренной реформы. Онъ предлагаетъ нѣсколько упрощеній въ разстановкѣ запятыхъ и много облегчающихъ правописаніе предложеній въ области этимологіи. Здѣсь имѣютъ цѣну указанія

на тѣ именно мелкія и затруднительныя правила письма, которыя не указываются другими проектами. Серьезныя возраженія встрѣчаетъ только предложеніе г. В. Куницкаго въ нѣсколькихъ случаяхъ допускать полную свободу въ употребленіи тѣхъ или другихъ написаній[1]) (пол*а*гать и пол*о*гать; изво*зч*икъ и изво*щ*икъ; деревя*нн*ый и деревя*н*ый; Кол*е*нька и Кол*и*нька; ручищ*е* и ручищ*а*; слѣп*аго* и слѣп*ого*; *сч*астіе и *щ*астіе и т. п.).

При упрощеніи нельзя нарушать принципа упорядоченія письма. Предоставлять произволъ пишущему — значитъ болѣе или менѣе отказаться отъ орѳографіи. Если современная практика и допускаетъ двойныя написанія, то это въ такихъ случаяхъ, гдѣ есть основанія для того и другого: пишемъ п*а*ромъ, к*а*закъ, *ла*хань, потому что вошло въ обычай писать эти слова по произношенію, но пишемъ и: п*о*ромъ, к*о*закъ, *ло*хань, потому что можемъ знать, что здѣсь правильнѣе писать *о*. Можно не требовать отъ учащагося большихъ знаній, но должно заставлять его думать при письмѣ. Увѣренность, что въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ ни напиши — все равно, въ нѣкоторой степени приводитъ къ распущенности мысли.

Проектъ В. П. Шереметевскаго.

Руководство къ правописанію академика Я. К. Грота вызвало одно замѣчательное предложеніе объ упрощеніи правописанія. Это книга покойнаго московскаго педагога В. П. Шереметевскаго: «Къ вопросу о «единообразіи» въ орѳографіи по поводу академическаго руководства: «Русское правописаніе». Москва. 1891».

Благодаря многолѣтней вдумчивой и серьезной практикѣ, авторъ былъ отличнымъ знатокомъ теоріи правописанія съ ея достоинствами и слабыми сторонами. Самая книга Я. К. Грота была тщательно имъ изучена. В. П. Шереметевскій познакомился и съ исторіей правописанія по прежнимъ изданіямъ ста-

1) Это, впрочемъ, является необходимымъ послѣдствіемъ фонетическаго письма, и въ этомъ его слабая сторона.

рыхъ писателей. Поэтому онъ дѣлаетъ нѣкоторыя достойныя большаго вниманія замѣчанія и возраженія автору руководства «Русское правописаніе» по существу дѣла. Собственное же значеніе его книги въ томъ, что онъ подвергаетъ «Русское правописаніе» академика Грота критикѣ главнымъ образомъ съ педагогической точки зрѣнія, преимущественно въ тѣхъ отдѣлахъ, которые онъ предполагаетъ упростить. Предложеніе *о сокращеніи и упрощеніи* ороографическихъ правилъ онъ дѣлалъ еще раньше появленія руководства Грота, въ засѣданіи Учебнаго Отдѣла Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній 22 января 1883 года. Рефератъ, прочитанный тогда В. П. Шереметевскимъ: «Объ ороографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ въ особенности», заканчивался предложеніемъ собрать комиссію изъ преподавателей русскаго языка, которая должна заняться составленіемъ проекта упрощеннаго правописанія для школы и представить этотъ проектъ на усмотрѣніе II Отдѣленія Академіи Наукъ.

Ни проектъ Шереметевскаго, ни его книга не обратили на себя въ свое время должнаго вниманія, или, лучше сказать: не дали никакихъ практическихъ послѣдствій, но и въ настоящее время его статья является, по нашему мнѣнію, лучшимъ изложеніемъ педагогическихъ взглядовъ по вопросу объ ороографіи въ отношеніи къ школьному обученію. Преподавателямъ даетъ она много поучительнаго, а противники введенія упрощенной ороографіи найдутъ въ ней неопровержимые доводы въ пользу упрощенія. Главное содержаніе книги В. П. Шереметевскаго состоитъ изъ предложеній упрощенія, при чемъ каждое сопровождается подробной мотивировкой, съ остроумнымъ критическимъ разборомъ принятыхъ въ ороографіи правилъ.

Дѣйствуя единолично, желая имѣть на своей сторонѣ многихъ, не встрѣтивъ сочувствія среди членовъ Учебнаго Отдѣла Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній послѣ сдѣланнаго имъ предложенія составить комиссію для со-

ставленія проекта упрощеннаго правописанія, В. П. Шереметевскій, конечно, не могъ надѣяться на успѣхъ въ случаѣ предложенія значительныхъ преобразованій. Поэтому его проектъ отличается большою умѣренностью. Хотя проектъ напечатанъ съ соблюденіемъ всѣхъ предлагаемыхъ авторомъ нововведеній, но его орѳографія вовсе не бросается въ глаза. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ:

1. Писать *о* ударяемое послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и свистящей *ц* во всѣхъ случаяхъ, т. е. и въ недопускаемыхъ правописаніемъ академика Я. К. Грота, въ родѣ: ещо, жосткій, шолкъ, чотки, щотка, въ чомъ, течошь, течотъ, шолъ, наречонъ, пристыжонъ, рѣшонъ, прельщонъ.

2. Приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз* писать всегда этимологически наравнѣ со всѣми другими, т. е. писать: возкресенье, изходъ, низпускать, разтравлять, разфрантиться, изчезать, возшествіе, разщепать, изцарапать и т. п.

3. Писать слово *миръ* во всѣхъ случаяхъ через *и*.

4. Именительный падежъ множественнаго числа прилагательныхъ писать во всѣхъ родахъ съ окончаніемъ *ія*.

5. Въ дательномъ и предложномъ падежахъ писать окончаніе *ѣ* и послѣ *і*, т. е. ставить *ѣ* во всѣхъ случаяхъ: къ Софіѣ, о геніѣ, о Василіѣ, о житіѣ, на новосельѣ, въ недоумѣньѣ, о воскресеньѣ.

6. Въ заимствованныхъ словахъ писать всегда по общему правилу *е*, т. е. и въ словахъ: Алексей, Еремей, Елисей, Матвей, Сергей, индеецъ.

7. Упростить правила о слитномъ и раздѣльномъ написаніи словъ, установивши писать «слитно, когда та или другая часть извѣстнаго сочетанія отдѣльно не употребляется». Т. е. писать раздѣльно: *на примѣръ*, *сей часъ*, *въ верху*, *по видимому*, *на удалую* и т. п., и писать слитно: *вдоль*, *вскользъ*, *наружу* и под., гдѣ нѣтъ двухъ отдѣльныхъ словъ.

Предлагаемыя семь упрощеній замѣнили бы, по подсчету автора, 71 правило «Русскаго правописанія»; одинъ отдѣлъ о

слитномъ и раздѣльномъ написанiи словъ состоитъ въ немъ изъ 47 правилъ, исключенiй и замѣтокъ. «Если только въ семи случаяхъ», замѣчаетъ авторъ о руководствѣ Я. К. Грота, «насчитывается семьдесятъ одно (71) правило, то какова же должна быть общая сумма всѣхъ правилъ въ цѣломъ Академическомъ руководствѣ? И будь у насъ поболѣе досуга, и посильнѣе зрѣнiе, мы не полѣнились бы точнѣйшимъ образомъ опредѣлить эту сумму; въ случаѣ упрека, что мы намѣренно смѣшиваемъ въ одну кучу и правила и исключенiя, и отрывочныя замѣтки, и даже выноски внизу страницъ, мы отвѣтимъ, что для практическаго изученiя орѳографiи, правила и исключенiя безразличны, послѣднiя даже труднѣе для усвоенiя, какъ все стоящее особнякомъ, отрывочное и мелочное. Впрочемъ, желающимъ болѣе точнаго опредѣленiя суммы правилъ можно посовѣтовать обратиться къ обстоятельному оглавленiю самого Академическаго руководства; внимательный просмотръ этого оглавленiя даетъ довольно точное понятiе объ изумительной роскоши орѳографическаго кодекса»[1]) (Сочин., стр. 295).

Обращая вниманiе читателей на многочисленность правилъ, мелочныя исключенiя и замѣтки, которыя въ очень большомъ числѣ разсѣяны по руководству Я. К. Грота, В. П. Шереметевскiй очень основательно указываетъ, какъ страшно это затрудняетъ учащихся. «Если бы составитель «Русскаго Правописанiя», говоритъ онъ, «ближе былъ знакомъ со всѣми трудностями той черновой работы начальнаго обученiя грамотности, со всей закулисной стороной этого хлопотливаго дѣла, то едва ли бы онъ внесъ въ руководство... (разныя) мелочныя замѣтки» (247 стр.). Лица, научившiяся правильному письму, и даже мало внимательные къ практикѣ педагоги, склонны иногда представлять себѣ нѣкоторыя стороны изученiя орѳографiи довольно легкими. Замѣчая, что даже со стороны нѣкоторыхъ учителей можетъ быть высказано мнѣнiе, что правило о буквѣ *ѣ* въ соб-

1) Оглавленiе занимаетъ безъ малаго 6 страницъ.

ственныхъ именахъ не можетъ представить особыхъ затрудненій — стоитъ только заставить заучить 5 собственныхъ именъ, нашъ авторъ возражаетъ: «Подобное замѣчаніе для спеціалиста-практика крайне легкомысленно, ибо память учащихся не мѣшокъ, что положатъ, то и несетъ; въ памяти будутъ путаться заученныя пять именъ съ другими 25 сходными по формѣ именами (въ календарѣ насчитали мы всѣхъ такихъ именъ мужескаго рода до 30); главное же памяти и безъ того предстоитъ усвоить до 130 коренныхъ словъ (см. Краткій учебникъ Поливанова) съ буквою *ѣ*; нечего и говорить уже о производныхъ» (286 стр.). «Всегда найдется», говорится въ другомъ мѣстѣ, «не одинъ изъ малыхъ сихъ, и не изъ числа малоспособныхъ, который никакъ не можетъ запомнить, гдѣ писать *і*, а гдѣ *и* (въ словѣ *миръ*); въ самомъ дѣлѣ: на что опереться памяти? пиши *міръ*, когда знач. свѣтъ, а *миръ*, когда знач. тишина; но почему же не на оборотъ; другое дѣло, еслибы подобныхъ словъ было много; тогда возможно было бы обобщеніе, въ родѣ слѣд.: пиши *и*, если собственное значеніе, если же переносное, то *і*. Но бѣда для ребячьихъ головъ и заключается именно въ исключительномъ характерѣ этихъ одинокихъ орѳографическихъ бобылей» (268—269 стр.).

Проектъ Московскаго педагогическаго общества.

Предложеніе В. П. Шереметевскаго не осталось забытымъ. Въ сентябрѣ 1895 года предсѣдатель Комиссіи преподавателей русскаго языка, состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, С. Г. Смирновъ, «поставилъ на видное мѣсто вопросъ о ходатайствѣ передъ Академіей Наукъ объ упрощеніи русскаго правописанія и объ отмѣнѣ обязательнаго слѣдованія руководству Я. К. Грота». Съ возникновеніемъ при Московскомъ Университетѣ Педагогическаго Общества, въ составъ его вошли почти всѣ члены Учебнаго Отдѣла. Ихъ труду, вмѣстѣ съ другими лицами, и принадлежитъ проектъ упрощенія русскаго правописанія, напечатанный въ

изданіи: «Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. I. M. 1901».

Поводомъ къ составленію проекта послужила выше названная лекція Р. Ѳ. Брандта «О лженаучности русскаго правописанія», прочитанная въ засѣданіи Отдѣленія 12 апрѣля 1899 г.

Въ этомъ же засѣданіи была избрана комиссія для составленія проекта упрощенія русскаго правописанія: предсѣдатель Р. Ѳ. Брандтъ, секретарь И. П. Казанскій, члены: С. Г. Смирновъ, Н. Г. Бажановъ и П. Н. Сакулинъ. Комиссія пользовалась «научною помощью извѣстнаго лингвиста, академика Ф. Ѳ. Фортунатова, принимавшаго дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ».

Послѣ 14 засѣданій комиссіи, Отдѣленію преподавателей русскаго языка и словесности былъ представленъ докладъ комиссіи, составленный П. Н. Сакулинымъ. «Разсмотрѣнный и отчасти измѣненный въ засѣданіи Отдѣленія преподавателей русскаго языка и словесности и въ двухъ соединенныхъ засѣданіяхъ того же Отдѣленія и Отдѣленія начальныхъ училищъ, докладъ этотъ представленъ былъ на обсужденіе общаго собранія, которое подвергло его тщательному разбору на трехъ своихъ засѣданіяхъ, и 26 мая 1901 г. большинствомъ голосовъ утвердило его съ нѣкоторыми лишь измѣненіями». Въ печати мы видимъ докладъ не въ первоначальной, а въ этой измѣненной редакціи.

Обширный «Докладъ Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, по вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи» состоитъ изъ 4 главъ. Въ первой: «Необходимость упрощенія русскаго правописанія» — указывается на повторяющіяся жалобы, что школа обременяетъ учащагося формальными знаніями, въ ущербъ его общему развитію. Формальный взглядъ на образованіе отражается и на преподаваніи русскаго языка, которое сосредоточивается на внѣшней грамотности, являющейся главной цѣлью занятій по русскому языку въ школахъ всѣхъ типовъ, а въ начальныхъ

училищахъ даже единственною. Эти усиленныя занятія орѳографіей не приводятъ къ желаемымъ результатамъ: опытъ показываетъ, «что средняя школа не можетъ достигнуть полной грамотности не только въ IV классѣ, какъ того требуютъ учебные планы, но и въ VII классѣ». Изъ этого видно, что усвоеніе русской орѳографіи есть огромный трудъ, на который тратится значительный запасъ умственныхъ силъ учащихся и учащихъ. При этомъ послѣдніе «не имѣютъ утѣшенія въ сознаніи, что ихъ работа, хоть и тяжела, но даетъ положительные и цѣнные результаты». Преподаватель «то и дѣло долженъ отвѣчать молчаніемъ на законный вопросъ учащихся «почему» и сознаваться въ условности и даже ложности тѣхъ правилъ орѳографіи, которымъ онъ обучаетъ». Изъ этихъ затрудненій представляется два выхода: во-первыхъ, слѣдовало бы понизить самыя требованія по орѳографіи, особенно по отношенію къ начальной школѣ, а во-вторыхъ, необходимо произвести пересмотръ современнаго русскаго правописанія съ цѣлью его упрощенія.

Въ главѣ II: «Ходъ работы» — излагается уже переданная нами исторія составленія Доклада.

Глава III заключаетъ въ себѣ: «Принципы предлагаемаго упрощенія орѳографіи». Эти принципы слѣдующіе:

Въ азбукѣ не должно быть лишнихъ буквъ: каждый звукъ долженъ обозначаться особымъ и только однимъ начертаніемъ. Для практическаго (не научнаго) правописанія не нужна безусловная точность: письмо должно отличаться прежде всего простотой и легкостью. Такъ какъ письмо есть та же связная рѣчь, то излишне стремиться посредствомъ правописанія дать отличіе словамъ и формамъ, звучащимъ въ рѣчи одинаково, какъ міръ — вселенная и миръ — тишина, весь — мѣстоименіе и вѣсь — глаголъ. Мы поймемъ эти слова и въ письмѣ, если мы понимаемъ эти слова въ разговорѣ, какъ понимаемъ въ произношеніи и письмѣ множество словъ, имѣющихъ не одно значеніе, въ родѣ: лукъ, ключъ, жать, печь, стекло, стихъ и т. п. Правописаніе, назначенное для общаго пользованія, должно быть опредѣленной

системой, не трудной для усвоенія и годной для ясной, но не абсолютно-точной передачи звуковъ живой рѣчи.

Эти общія начала примѣняются къ русскому правописанію слѣдующимъ образомъ:

Правописаніе «не должно отражать особенностей какого-нибудь діалектическаго произношенія», но сохранять такой видъ, въ которомъ имъ могли бы пользоваться безъ особыхъ затрудненій всѣ говорящіе на этомъ языкѣ.

Устойчивость и единообразіе правописанію должно дать «сохраненіе этимологическаго начала, поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ».

«Научная закономѣрность въ правописаніи есть уже его упрощеніе, потому что все то просто, что объяснено и приведено въ болѣе или менѣе строгую систему».

Русское современное правописаніе имѣетъ два главныхъ недостатка:

1) Историческія переживанія въ правописаніи, которыя противорѣчатъ явленіямъ современнаго языка. Эти переживанія создаются постепенно, потому что всякій живой языкъ измѣняется и опережаетъ письмо, которое всегда отличается большей неподвижностью. Это обстоятельство дѣлаетъ законнымъ и необходимымъ періодическій пересмотръ всякаго правописанія. Въ современномъ письмѣ мы сохраняемъ лишнія буквы, соотвѣтствующія утраченнымъ звукамъ, напр., *ѣ*, или сохраняемъ старыя написанія для видоизмѣнившихся звуковъ; пишемъ: ж*и*ла, ш*и*ла, а говоримъ: ж*ы*ла, ш*ы*ла.

2) Рядъ произвольныхъ правилъ, рѣзко противорѣчащихъ исторіи и свойствамъ русскаго языка. Такія правила вводили въ разное время книжники-реформаторы: напр., югославянскіе ученые XIV и XV вѣковъ, «Россійское собраніе» при Академіи Наукъ и др. Эти правила: объ употребленіи *і*, написанія *ея*, добр*ые* и добр*ыя*, син*ія* и син*іе*, окончанія *аго* въ родительномъ падежѣ прилагат. и др. Для упрощенія правописанія «необхо-

димо устранить подобныя произвольныя правила, затруднительныя именно вслѣдствіе своей неосновательности».

Радикальное измѣненіе правописанія по разнымъ причинамъ неудобно, поэтому комиссія ограничивается важнѣйшими и неотложными случаями.

При введеніи новаго правописанія слѣдуетъ настойчиво желать, чтобы оно не исключало возможности нѣкотораго разнообразія въ несущественныхъ и спорныхъ случаяхъ.

Глава IV содержитъ «Проектируемые случаи упрощенія», которые относятся А) къ составу азбуки, В) къ орѳографическимъ правиламъ касательно 1) фонетики, 2) морѳологіи и 3) переноса словъ. Въ заключеніе приведены «Основныя положенія доклада» и «Образецъ новаго правописанія». Всѣ положенія проекта подробно мотивированы. При этомъ разбираются: исторія разныхъ случаевъ правописанія; орѳографическія правила болѣе замѣчательныхъ грамматикъ и книгъ по правописанію: Ломоносова, Востокова, Буслаева, Грота; мнѣнія извѣстныхъ филологовъ и лингвистовъ новаго времени: Пауля, Потебни, Соболевскаго, Шахматова, Брандта; принимаются въ разсчетъ и нѣкоторыя другія соображенія, напр. показанія школьной практики.

Предполагаемыя проектомъ упрощенія сводятся къ слѣдующему:

1) Исключаются изъ азбуки лишнія буквы: ѣ, ъ, ѵ, і, ѳ.

2) *ь* пишется только тогда, когда отъ опущенія его получается искаженіе слова: гнать, нянька, весьма, крестьянин и т. п. Излишне писать *ь* на концѣ словъ послѣ *ч* и *щ:* ноч, мощ, леч. Съ устраненіемъ ера, вмѣсто него употребляется *ь* внутри словъ: обьём, сьесть и под.

3) Послѣ *ж, ш, ц* пишется *ы*: жыр, жыть, сушыть, станцыя, лекцыя и т. д. При этомъ не слѣдуетъ ставить *ь* послѣ *ж, ш* въ концѣ словъ: рож, тиш.

4) Послѣ шипящихъ и *ц* ударяемое *о* постоянно изображается и на письмѣ: жорнов, шол, течот, прельщон и т. д.

5) Приставки *воз*, *из*, *низ* и *раз*, подобно *без*, *чрез* (*через*) и другимъ префиксамъ, пишутся по этимологіи, всегда съ *з*.

6) Въ родит. падежѣ ед. числа прилаг., мѣстоим., причастій и числительныхъ пишется окончаніе *ово* или *ево*.

7) Въ именит.-винит. падежахъ подобныхъ словъ пишется окончаніе *ыи* или *ии*.

8) Форма *её* употребляется въ значеніи какъ винит., такъ и родит. падежей.

9) Всегда пишется *они*, *одни*.

10) Въ предложномъ падежѣ един. числа существит. на *ій*, *ія*, *іе* (Василій, линія, зданіе) и въ дательномъ словъ на *ія* (Марія) допускается по общему правилу *е*.

11) Слова переносятся по слогамъ съ соблюденіемъ двухъ правилъ: 1) согласная причисляется къ слѣдующей гласной, 2) при стеченіи согласныхъ можно переносить всѣ или нѣкоторыя.

Проектъ академика Ѳ. Е. Корша.

Московскій проектъ орѳографической реформы и вызванная имъ полемика заставили высказаться по вопросу объ орѳографіи одного изъ наиболѣе извѣстныхъ и лучшихъ русскихъ лингвистовъ, академика Ѳ. Е. Корша. Въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» 1902 года, книга 1, появилась его статья: «О русскомъ правописаніи». Авторъ — рѣшительный сторонникъ реформы, но не имѣетъ въ виду дать свой полный проектъ новаго правописанія или подробно разбирать чужіе проекты и выраженные по поводу ихъ взгляды: онъ посвящаетъ свою статью разъясненію общихъ вопросовъ и охотно входитъ въ подробности лишь въ такихъ случаяхъ, когда это помогаетъ главной его цѣли. Обсужденіе и разъясненіе общихъ вопросовъ имѣло свое основаніе въ томъ, что, по мнѣнію автора статьи, большая часть публики мало призвана къ рѣшенію споровъ объ орѳографіи и въ ожесточенной борьбѣ между консерваторами и реформаторами «сочувствіе большинства чи-

тателей къ той или другой сторонѣ обусловливается причинами болѣе или менѣе субъективными: одни, твердо усвоившіе себѣ школьныя правила о буквѣ *ѣ*, смотрятъ на нее, какъ на палладіумъ цивилизаціи, и въ написаніи «седло» или «цвелъ» видятъ вторженіе варварства, а другіе, не столь памятливые или болѣе склонные къ писанью безо всякихъ стѣсненій, какъ попало, рады всякой реформѣ, которая сниметъ съ нихъ ненужныя, по ихъ мнѣнію, путы. И то и другое основано на прискорбномъ недоразумѣніи, зависящемъ отъ того, что читатели-сторонники того и другого направленія одинаково мало вдумывались въ вопросы, чтó такое правописаніе, и каково оно у насъ» (39 стр.).

Изъ множества въ высшей степени интересныхъ мнѣній, соображеній и указаній Ѳ. Е. Корша обратимъ наше вниманіе на тѣ, которыя относятся: 1) къ исторіи нашего правописанія, 2) къ разъясненію основъ орѳографической реформы, 3) къ предположеніямъ желательныхъ въ немъ измѣненій.

«Правописаніе какого угодно языка», говоритъ Ѳ. Е. Коршъ, «было въ началѣ, т. е. послѣ перваго примѣненія къ этому языку данной азбуки, по необходимости фонетическимъ. Кириллъ и Меѳодій, создатели одной изъ совершеннѣйшихъ азбукъ, руководились при обозначеніи звуковъ церковно-славянскаго языка исключительно слухомъ... И тамъ, гдѣ первоначальная форма слова имъ, людямъ, грамматически образованнымъ, должна была быть ясна, они (или, по крайней мѣрѣ, ихъ ближайшіе ученики) писали безъ смущенія по выговору *исцѣлити* и *ицѣлити* вмѣсто *из(ъ)-цѣлити*, *вѫжделѣти* вмѣсто *вѫзжелѣти*, *бещисла* вмѣсто *без(ъ) числа*... Русскіе, принявъ кириллицу, заботились, конечно, не объ этимологіи, а только о передачѣ звуковъ своего языка. Потому они откинули ненужныя имъ ѫ и зѣло, а ѧ стали употреблять въ значеніи *а* съ предшествующей мягкостью, иногда и вмѣсто ꙗ, которымъ въ церковно-славянскомъ языкѣ выражалось исключительно сочетаніе *ја*... Мало по малу ъ и ь все въ большемъ числѣ случаевъ выпадали, въ другихъ — замѣнялись звуками (и буквами) *о* и *е*, а *ѣ* сталъ отожествляться въ произ-

ношеніи съ *е*... Приблизительно съ XV в., откуда можно считать начало новорусскаго языка, глухія въ выговорѣ и письмѣ окончательно замѣнились полными гласными *о* и *е* или пропали, а *ѣ*, совершенно слившись съ *е*, вышелъ-бы, пожалуй, совсѣмъ изъ употребленія, если-бы не поддерживался литературными воспоминаніями, сплошь да рядомъ неточными».

Оговорившись въ сноскѣ, что въ данномъ случаѣ, конечно, разумѣется правописаніе чисто русскихъ, а не церковныхъ памятниковъ, Ѳ. Е. Коршъ замѣчаетъ, что фонетическая основа русскаго правописанія въ XVI и XVII вѣкахъ начала колебаться вслѣдствіе вторженія въ письменность южно-великорусскаго аканья. За упорядоченіе правописанія взялись тогдашніе грамотеи, которые поставили образцомъ для русскаго языка церковнославянскій. Но церковно-славянскій языкъ къ этому времени успѣлъ перемѣшаться съ русскимъ, и орѳографія его была также въ безпорядочномъ состояніи. Грамматисты XVIII и XIX вѣка продолжали исправлять и утверждать русскую орѳографію, руководствуясь церковно-славянскимъ языкомъ. Такъ создалось «то шаткое, лже-историческое правописаніе, которое всякій изъ насъ примѣняетъ болѣе или менѣе по-своему, нѣкоторые считаютъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ глубокой старины, большинство бранитъ за его трудность и сбивчивость и лишь очень незначительное меньшинство цѣнитъ надлежащимъ образомъ» (68—70 стр.).

Попытки къ исправленію нашего правописанія, говоритъ академикъ Коршъ, «отличались тѣмъ-же недостаткомъ, которымъ страдаетъ и самъ предметъ исправленія, — непослѣдовательностью, чему нагляднымъ примѣромъ можетъ служить руководство академика Я. К. Грота хотя-бы въ своемъ послѣднемъ, окончательно провѣренномъ изданіи: въ этой книгѣ основой правописанія является то этимологія, то обычай, да и этимологія примѣняется не всегда вѣрно, и самое понятіе ея не выяснено» (70 стр.).

На какомъ же началѣ должно быть перестроенно русское правописаніе?

Научное этимологическое правописаніе, прекрасные образцы котораго далъ покойный А. А. Потебня, Ѳ. Е. Коршъ считаетъ практически неудобнымъ, такъ какъ оно требуетъ большихъ знаній и особой сообразительности.

Разнообразныя практическія и теоретическія основанія, которыя подробно разсматриваются въ статьѣ, не позволяютъ, по мнѣнію Ѳ. Е. Корша, утвердить правописаніе и на современномъ литературномъ произношеніи.

«Образованный Москвичъ или Петербуржецъ», между прочимъ говоритъ Ѳ. Е. Коршъ, «не только въ частномъ разговорѣ, но даже на каѳедрѣ и на сценѣ благодушно принимаетъ черты діалектическаго произношенія, въ противоположность современному Римлянину, который готовъ освистать актера-Венеціанца за всякое, хоть сколько-нибудь рѣзкое проявленіе его мѣстнаго говора. И такъ, основать русское правописаніе на литературномъ выговорѣ значитъ принять за мѣру выговоръ того или другого литературно-образованнаго человѣка, необязательный для другого литературно-образованнаго человѣка, имѣющаго приблизительно такія же права на предъявленіе своего выговора въ качествѣ нормы... Но съ другой стороны очевидно, что, если мы хотимъ разумно облегчить наше правописаніе, мы должны принять въ разсчетъ то, чтó есть общаго въ произношеніи всѣхъ литературно-образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, великорусскихъ, такъ какъ нашъ литературный языкъ примыкаетъ несомнѣнно къ говорамъ великорусскимъ, а не къ малорусскимъ и не къ бѣлорусскимъ,—принять въ разсчетъ не какъ безусловную норму, а лишь какъ одинъ разрядъ данныхъ для установки такого правописанія, которое представляло-бы собою звуки великорусскаго языка вообще, со включеніемъ крупнѣйшихъ и характеристичнѣйшихъ его разновидностей» (42 стр.).

«Такъ какъ литературное нарѣчіе», говоритъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ въ другомъ мѣстѣ, «для котораго собственно и устанавливается правописаніе, произошло изъ великорусскихъ говоровъ, письменное изображеніе этого нарѣчія должно вос-

производить ту ступень великорусскаго языка, когда онъ, окончательно обособившись и опредѣлившись въ своихъ признакахъ, еще не распался на существующіе теперь говоры. Это и есть приблизительно конецъ XIV в. или начало XV, когда аканье еще не проникло въ письменность, а потерявшія свою слоговую природу ъ и ь еще напоминали о себѣ удержаніемъ предшествовавшихъ имъ согласныхъ въ ихъ первоначальномъ ряду, т. е. напр. *гвоздь* (не = *гвость*), *лавка* (не = *лафка* — изъ *лавъка*), *просьба* (не = *прозьба*) и т. п., и сохраненіемъ ихъ, какъ *лестной* (съ *т*) и др.» (70—71 стр.).

Что касается до предложеній Ѳ. Е. Корша объ измѣненіяхъ въ орѳографіи, то мы будемъ говорить о нихъ не входя въ подробности и лишь на столько, на сколько они относятся къ ея упрощенію.

«Привычный намъ *ѣ*» академикъ Коршъ предлагаетъ сохранить, но употреблять не по традиціи, а для обозначенія существующаго въ современномъ русскомъ языкѣ широкаго звука *е*, именно писать *ѣ* на мѣстѣ звука *е* передъ твердой согласной и въ концѣ словъ подъ удареніемъ, подобно *ё*: *вѣра* и *верю*, *мѣлъ* и *мель*, *цѣлъ* и *цель*, *лѣсъ* и *лезь*, *нѣкого* и *нечего*, *зѣмство* и *земецъ*, *королѣва* и *королевичъ*, *надѣжда*, *крѣсло*, *женѣ*, *сестрѣ* и т. п. Это остроумное примѣненіе старой русской азбуки къ особенностямъ современнаго русскаго языка представляетъ оригинальную особенность проекта Ѳ. Е. Корша. Съ нимъ является возможность различать три звука русскаго языка: *е* широкое (тѣло, пѣкарь), *е* узкое (тельце, печь), *ё* (тёлка, пёкъ). Основанія своего предложенія авторъ статьи развиваетъ очень подробно, излагая и разсматривая вмѣстѣ съ тѣмъ возраженія, которыя дѣлались ему противъ такого примѣненія буквы *ѣ* академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Предлагаемое академикомъ Коршемъ употребленіе буквы *ѣ*, дѣйствительно, облегчило бы русское правописаніе, такъ какъ вопросъ о постановкѣ *ѣ* сводился бы къ умѣнью отличать твердую согласную отъ мягкой — что, впрочемъ, не всегда легко

— и опредѣлить удареніе въ словѣ. При этомъ правописаніе буквы *ѣ* не было бы дѣломъ механической памяти, но основывалось бы на знаніи дѣйствительныхъ особенностей живого языка.

По проекту академика Корша *і* и *ъ* признаются совершенно ненужными (при введеніи j: *отјѣзд*, *објавил* и под.).

Употребленіе *ъ* ограничивается: *полноч*, *глуш*.

«*Ѳ*... совпавъ по выговору съ *ф*... стала до такой степени излишней, что и грамотѣи пишутъ *фофанъ*, хотя это слово есть простонародная передѣлка имени *Ѳеофанъ*..., и *Олфёра* едва ли кто рѣшится написать съ *ѳ*, хотя онъ-же — *Елевѳерій*» (81 стр.).

Э при введеніи *ј* является ненужнымъ: *јево економ*, *ѣтот јестъ* и под., гдѣ *е* и *ѣ* безъ *ј* нужно читать какъ *э*.

Вмѣсто правилъ орѳографіи условныхъ или основанныхъ на церковнославянскомъ языкѣ и тѣхъ правилъ русской орѳографіи, которыя не имѣютъ теперь опоры въ живомъ языкѣ, Ѳ. Е. Коршъ считаетъ нужнымъ ввести правила, которыя оправдываются современнымъ литературнымъ языкомъ:

жы, *шы*, *цы* вмѣсто *жи*, *ши*, *ци* (но *ча*, *чу* сохраняются);

роз не только подъ удареніемъ (*рóзвальни*, *рóзговѣнье* и под.), но и безъ ударенія: *розлучит*, *розмѣр* и т. под.;

въ прилагательныхъ мужескаго рода именительнаго падежа единственнаго числа всегда писать окончанія *ой*, *ей*; не только: *слѣпой*, *такой*, *нагой*, но и: *доброй*, *старой*, *высокой*, *строгой*, *синей*, *прочей* и под.;

въ родительномъ падежѣ мѣстоименій и прилагательныхъ писать окончанія *ово*, *ево*;

въ именительномъ множественнаго прилагательныхъ писать *ыя* (*ыја*) безъ различія рода;

вмѣсто *ея* писать *её*;

согласно съ выговоромъ, въ глаголахъ третьяго лица множественнаго числа писать неударяемыя окончанія *ут*, *ют* (слу́жут, хóдют);

по той же причинѣ, возвратный залогъ оканчивать на *са*, *с* (*заперса*, *обвилас* и под.).

Проекты педагогическихъ обществъ Казанскаго и Одесскаго.

Примѣру Московскаго педагогическаго общества прежде другихъ послѣдовало Казанское. На общемъ собраніи этого общества, 30 сент. 1901 года, проф. Е. Ѳ. Будде прочиталъ «Предложеніе по вопросу о русскомъ правописаніи». «Въ нашей средней школѣ», указывалъ проф. Будде, «все преподаваніе русскаго языка до сихъ поръ было приноровлено» главнымъ образомъ къ тому, чтобы «научить учениковъ писать грамотно», не въ широкомъ смыслѣ искусства хорошо владѣть роднымъ языкомъ, но въ узкомъ смыслѣ умѣнія «употреблять на письмѣ тѣ буквы», которыя приняты обычной орѳографіей, не выдержанной и не обоснованной научно, но требуемой прежними школьными учебниками, а въ послѣднее время руководствомъ Грота, сдѣлавшимся обязательнымъ для школы.

Преподаватели русскаго языка, «увлекшись болѣе легкимъ пониманіемъ своей задачи» изученія родного языка «въ смыслѣ задачи обучить правописанію по книжкѣ Грота, явились въ нашей средней школѣ истиннымъ бичомъ и для русскаго языка и для учениковъ... Кто изъ насъ не зналъ такихъ дѣтей, которыя прекрасно писали такъ называемыя сочиненія на русскомъ языкѣ, обнаруживали достаточное умственное развитіе и начитанность, но ставили не тѣ буквы, которыя требовались учителями, получали въ теченіе года неудовлетворительныя отмѣтки, проваливались изъ-за неправильно написанныхъ буквъ на экзаменѣ, лишались въ былое время дипломовъ и считали себя несчастными и «не зрѣлыми» изъ-за буквъ» (Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Труды и протоколы. I, 3. Казань, 1901. Стр. 127—128).

«Одна буква *е* въ словѣ *хмель* или *спесь*, въ словѣ *копейка* или *Онега* въ 70-хъ и 80-хъ годахъ способна была привести въ негодованіе преподавателя и погубить ученика, а теперь въ этихъ же самыхъ словахъ буква *ѣ* вм. *е* способна сдѣлать и съ учителемъ и съ ученикомъ то же самое... Одна буква *ѣ* въ сло-

вахъ *мелкій, мелочь, некого, нечего* и т. д. была роковой въ судьбѣ ученика времени ... моего обученія въ гимназіи, а теперь, послѣ научныхъ разсужденій проф. Потебни, всѣ ученые убѣдились въ необходимости буквы *ѣ* въ этихъ словахъ и такъ и пишутъ эти слова, зная, что надъ ними нѣтъ Дамоклова меча въ лицѣ учителя и Грота... Между тѣмъ, не смотря ни на какую науку, ученики должны и сейчасъ писать эти слова черезъ букву *е* изъ страха, что отъ ихъ «невѣжества» пошатнется и самое свидѣтельство объ ихъ зрѣлости» (стр. 128).

Докладчикъ указывалъ, что усвоеніе современной орѳографіи не доказываетъ еще *настоящаго образованія* нашихъ дѣтей и юношей и что при ней мы должны признать грамотными людьми писарей, привыкшихъ орѳографически правильно писать разныя бумаги, и отказаться отъ мысли считать грамотными людьми Гоголя, Жуковскаго, Пушкина и многихъ другихъ образованныхъ и ученыхъ представителей *истиннаго* русскаго просвѣщенія.

«Само собой разумѣется», говорилъ въ заключеніе проф. Будде, «что школа и дѣло общаго образованія не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ возможныхъ случайныхъ требованій касательно той или другой буквы русскаго алфавита. Школа можетъ требовать только того, что является необходимымъ элементомъ въ образованіи ученика..., безъ чего немыслимо понятіе объ образованномъ человѣкѣ нашего времени» (129 — 130 стр.).

Профессоръ Будде признавалъ нужнымъ «или русскую орѳографію оставить такъ, какъ она есть, но при этомъ не добиваться ея знанія въ школѣ путемъ крутыхъ мѣръ и обязательнаго зазубриванія, а предоставить дѣло усвоеніи ея практикѣ при возможно болѣе обильномъ чтеніи... Или упорядочить и упростить наше правописаніе общими силами, какъ это окажется наиболѣе цѣлесообразнымъ и возможнымъ, причемъ въ основу его слѣдуетъ положить главнымъ образомъ его раціональность, осмысленность. Раціональнымъ же правописаніе будетъ тогда, когда оно будетъ покоиться на одномъ какомъ-либо принципѣ, и, именно, на прин-

ципѣ *устойчивомъ*. Къ числу безусловно устойчивыхъ принциповъ въ данномъ случаѣ принадлежитъ принципъ соотвѣтствія письменныхъ знаковъ со звуками живой литературной рѣчи, но этотъ принципъ фонетической транскрипціи для школы неудобенъ, хотя и вполнѣ наученъ. А потому этотъ принципъ слѣдуетъ провести лишь частью, т. е. слѣдуетъ упорядочить правописаніе такъ, чтобы оно явилось наименѣе затруднительнымъ на первыхъ же порахъ изученія грамоты и наиболѣе соотвѣтствующимъ даннымъ исторіи нашего языка» (стр. 130).

Замѣтивши, что «въ этомъ смыслѣ и работало Московское Педагогическое Общество», профессоръ Е. Ѳ. Будде высказывалъ желаніе, чтобы члены Казанскаго Педагогическаго Общества, сочувствующіе дѣлу упорядоченія орѳографіи и ея преподаванія въ томъ или другомъ смыслѣ, также занялись обсужденіемъ руководящихъ принциповъ и частныхъ правилъ новой раціональной орѳографіи. Съ своей стороны онъ предлагалъ для свѣдѣнія собравшихся лицъ слѣдующія основы предполагаемаго правописанія.

1) Выбросить буквы, не имѣющія никакого звукового значенія. Напр., *ъ*.

2) Выбросить дублеты. Напр., *ѣ*, *і*, *ѳ*, *ѵ*.

3) Оставить то, что является научно доказаннымъ. Напр., буква *с* въ словѣ *с*давить или *с*бить, окончанія основъ и лицъ въ спряженіяхъ глаголовъ (зна*ешь*, ход*ишь*, стро*ятъ* и под.).

4) Ввести то, что обосновано научно, но не принято только въ силу существующей привычки къ обычной формѣ письма. Напр., окончанія прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода на *ого*, *его*.

5) Предоставить произволу пишущаго то, что еще трудно разрѣшить при современномъ состояніи науки[1]) (стр. 130—131).

---

1) Сюда, напр., работавшая впослѣдствіи подъ предсѣдательствомъ проф. Будде коммиссія по вопросу объ упрощеніи правописанія отнесла существующія въ теперешней орѳографіи правила о переносѣ словъ.

По докладу проф. Будде, предсѣдатель Казанскаго педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, предложилъ образовать комиссію для разработки вопроса объ упрощеніи и упорядоченіи русской орѳографіи. Комиссія составилась, подъ предсѣдательствомъ проф. Будде, изъ членовъ общества: А. И. Александрова, А. С. Архангельскаго, Я. А. Александрова, В. П. Брюханова, М. Н. Пинегина, А. С. Рождествина, В. А. Селенкина, М. П. Угрюмовой и др. Въ нее приглашались и посторонніе преподаватели г. Казани и Казанскаго учебнаго округа. Комиссія работала въ теченіе всей зимы 1901—1902 года и имѣла 13 засѣданій.

Проектъ, выработанный казанской комиссіею, въ главныхъ положеніяхъ сходится съ московскимъ и отличается отъ него лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Изъ послѣднихъ обращаютъ на себя особое вниманіе слѣдующія предложенія[1]):

3) «Послѣ *ж*, *ш* и *ц*, какъ послѣ твердыхъ, пишется только твердый гласный и *е* за неимѣніемъ твердаго гласнаго звука, такъ какъ *э* признано возможнымъ оставить только въ началѣ словъ и въ иностранныхъ словахъ: жыр, шыло, медицына, цыркуль, мужом, сердцом, лицо, шорох, женщина, шест...

4) Послѣ *ч* и *щ*, какъ послѣ мягкихъ, пишутся только мягкія: *я*, *ю* и проч.: чюдо, щюка, чиж, чяй, щипать, о чём, чей, щей.

5) Приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* передъ глухими согласными мѣняютъ *з* на *с*, напр. бездельной, беспокойной, чрезмерной, чересполосной.

7) Въ именительномъ падежѣ единствен. числа мужескаго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, причастій и числительныхъ порядковыхъ сохраняется древне-русское окончаніе (ой, ей), въ виду его соотвѣтствія съ окончаніями косвенныхъ падежей: черной, первой, некоторой, легкой, свежой, синей, третей и т. д.»; также: медвежей и подобныя.

---

1) При перепечаткѣ параграфовъ проекта я дѣлаю нѣкоторыя исправленія, потому что въ текстѣ находятся несомнѣнныя опечатки.

13. «Относительно слитнаго и раздѣльнаго письма (такихъ словъ, какъ—сначала, вмѣстѣ, встарь) постановлено писать раздѣльно, когда различаются два отдѣльныхъ самостоятельныхъ слова, и слитно, когда слова, потерявъ самостоятельное значеніе, слились въ одно: вдали и въ дали, вдаль и въ даль, но: вплотную, вразсыпную и др.»

За подробностями отсылаемъ читателя къ брошюрѣ: «Очеркъ исторіи возникновенія, развитія и дѣятельности комиссіи, образованной Казанскимъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, для разсмотрѣнія вопроса о русской орѳографіи» (Казань, 1902 г.). Здѣсь, кромѣ изложенія исторіи работъ комиссіи, находится подробное изслѣдованіе несовершенствъ современнаго правописанія и малой примѣнимости его, въ настоящемъ видѣ, для цѣлей образовательнаго обученія, а также обстоятельная мотивировка предлагаемыхъ измѣненій въ орѳографическихъ правилахъ.

О проектѣ Одесскаго пріуниверситетскаго педагогическаго общества мы не имѣемъ возможности распространиться, такъ какъ онъ появился въ печати, къ сожалѣнію, лишь на правахъ рукописи. Впрочемъ, о немъ имѣется нѣсколько свѣдѣній въ книгѣ проф. А. И. Томсона: «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія» (Одесса, 1903).

Изъ этой книги мы узнаемъ, что проектъ Московскаго педагогическаго общества «вызвалъ въ педагогическомъ отдѣлѣ Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ образованіе коммиссіи, которой было поручено разсмотрѣть московскій докладъ и дать свое заключеніе объ упрощеніи русскаго правописанія. Докладъ выработанный этой коммиссіей былъ прочитанъ въ Педагогическомъ отдѣлѣ въ засѣданіи 14 марта (1903 года).

Реформа правописанія, проектируемая въ одесскомъ докладѣ, въ главныхъ пунктахъ сходится съ московской; въ нѣкоторыхъ же частяхъ расходится съ послѣдней, отчасти въ пользу суще-

ствующаго правописанія» (стр. 2). Таково, напр., предположеніе удержать написанія *жи, ши, ци* (98 стр.).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, на длинномъ пути, по которому шло утвержденіе современнаго правописанія, рядомъ съ установленіемъ тѣхъ или другихъ написаній, основанныхъ во множествѣ случаевъ лишь на силѣ деспотическаго обычая, уже болѣе полутора столѣтій производится научная оцѣнка всей системы русскаго правописанія и отдѣльныхъ его правилъ. Вслѣдствіе этой оцѣнки давно являлись попытки замѣнить несостоятельныя стороны и правила нашего правописанія такими, которыя оправдывались бы наукою о русскомъ языкѣ и не противорѣчили бы другъ другу. Слѣпыя привычки массы пишущихъ до сихъ поръ однако сохранили въ употребленіи старину, осужденную въ теоріи. Не должна ли она остаться и не останется ли навсегда?

Не возьмемъ на себя смѣлости отвѣчать на этотъ вопросъ. Приведемъ лишь мнѣніе объ этомъ выдающагося русскаго ученаго и замѣчательнаго знатока русскаго языка, покойнаго академика И. И. Срезневскаго, научный авторитетъ котораго великъ и въ теперешнее время. Объ упрощеніи орѳографіи онъ не писалъ, но не вполнѣ одобрялъ существующую, какъ произведеніе корректоровъ и Греча, и высказывался въ смыслѣ реформы по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Напр., признавалъ ъ лишнею буквою (см. стр. 18). «Сила привычки», говорилъ покойный филологъ по вопросу объ измѣненіяхъ устарѣлыхъ правилъ о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ, «такъ могуча, что иногда и знаешь, что слѣдовало бы писать не слитно, и хочешь писать раздѣльно, а все-таки пишешь слитно. Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что привычка должна всегда побѣждать, что подвергать ее обсужденію и осужденію нельзя и смѣть. Напротивъ въ борьбѣ разума

съ привычкой ранѣе или позже все-таки побѣждать долженъ разумъ» («Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ», II, Спб. 1861, стр. 20).

Подобнымъ образомъ и покойный Я. К. Гротъ въ статьѣ, о которой здѣсь уже упоминалось на стр. 40—41, говоря о привычкѣ къ буквѣ ъ на концѣ словъ, замѣчалъ, что мы и къ цѣпямъ привыкаемъ, однако безъ нихъ чувствуемъ себя легче.

Правда, опытъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ трудно ожидать орѳографическихъ измѣненій отъ тѣхъ лицъ, которыя овладѣли уже принятой орѳографіей. Люди, которые много пишутъ и печатаютъ, тоже часто не склонны принимать нововведенія въ правописаніи. Но представляется полная возможность провести новую орѳографію въ жизнь при посредствѣ школы. Настойчивость попытокъ ввести улучшенную орѳографію такимъ путемъ, расширеніе круга лицъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопроса объ орѳографіи, говорятъ за успѣхъ дѣла въ будущемъ.

За то же говорятъ и достаточное единство и опредѣленность предложеній. Дѣйствительно, если сравнимъ старыя мнѣнія и попытки упрощенія съ новыми, то должны будемъ признать, что орѳографическія нововведенія, которыя теперь предлагаются, и которыя смущаютъ многихъ лицъ какъ новшества, заключаютъ очень мало новаго. Почти все, что содержатъ современные проекты, опирается на теорію, давно извѣстную, и на практику, правда не широкую, но давнюю и повторяющуюся иногда съ замѣтной настойчивостью, какъ это видно въ письмѣ безъ еровъ, въ неупотребленіи ѳиты.

Напр., въ московскомъ проектѣ упрощенія новыми являются только 2 предложенія: 1) писать послѣ *ж*, *ш*, *ц* всегда *ы*, и 2) уничтожить въ орѳографіи искусственную форму *ея*, которой нѣтъ въ живомъ языкѣ.

Продолжая сравненіе прошедшаго съ настоящимъ, можемъ замѣтить еще, что послѣднее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно отличается отъ стараго. Во-первыхъ тѣмъ, что на помощь

учителямъ, для которыхъ вопросъ о той или другой орѳографіи имѣетъ особую важность, приходятъ все чаще и охотнѣе люди науки, вооруженные богатыми знаніями и строгими пріемами научнаго изслѣдованія. Второе, тоже очень важное обстоятельство — то, что орѳографическій вопросъ обсуждается коллективно: учеными, педагогами и другими прикосновенными къ нему людьми.

Нельзя не присоединить къ вопросу объ орѳографіи двухъ пожеланій. 1) Желательно болѣе широкое распространеніе всякихъ новыхъ сочиненій и сужденій по орѳографіи; до сихъ поръ публикѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо легче было познакомиться съ критиками проектовъ, чѣмъ съ самыми проектами. 2) Желательно также, чтобы составители проектовъ новой орѳографіи старались по возможности примѣнять ее на практикѣ, что̀ необходимо для успѣха дѣла и для усовершенствованія проектовъ.

Благопріятное разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи орѳографіи послужитъ къ великому облегченію учащихся въ школѣ дѣтей. Въ положеніи лица, преподающаго уже довольно долго этимъ дѣтямъ элементарную грамотность, мнѣ было бы вполнѣ естественно передать нѣсколько личныхъ впечатлѣній, наблюденій и мнѣній объ орѳографіи въ примѣненіи къ обученію. Но я полагаю, что единоличный опытъ и основанныя на немъ мнѣнія учащаго не важны тамъ, гдѣ имѣются опыты и мнѣнія нѣсколькихъ тысячъ учащихъ въ разныхъ концахъ Россіи. Имѣю смѣлость думать, что большинство опытовъ и большинство мнѣній сходны и составлены *не* въ пользу существующей орѳографіи.

Но не упущу случая высказать тѣ положенія объ орѳографіи примѣнительно къ обученію, которыя, какъ я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, нашли бы себѣ подтвержденіе и поддержку во многихъ извѣстныхъ мнѣ лично учащихъ въ разныхъ губерніяхъ средней Россіи и въ Петербургѣ:

1) Усилія учащихъ вкоренить въ дѣтяхъ современную орѳографію являются почти безплодными. Первые шесть или семь лѣтъ обученія (начальная школа и слѣдующая за ней городская или,

по старому, уѣздная) не достаточны для того, чтобы сдѣлать къ концу курса нашихъ учениковъ вполнѣ грамотными въ орѳографическомъ смыслѣ. Педагогическая теорія и практика не нашли такихъ методовъ, чтобы учащіеся успѣшно овладѣли *современною* орѳографіей въ указанный срокъ, кромѣ развѣ метода: «писать каждый день диктовки».

2) Неуспѣхъ обученія правописанію въ низшей школѣ печаленъ особенно потому, что эта школа во многихъ случаяхъ ставитъ орѳографію главной и часто единственной цѣлью обученія родному языку. Такимъ образомъ недолгіе и дорогіе годы школьнаго ученія, послѣ которыхъ большинство нашихъ дѣтей живетъ внѣ образовательныхъ вліяній, теряются понапрасну.

3) Тамъ, гдѣ усиленнымъ трудомъ учителя учащіеся низшей школы достигаютъ ко времени выпускныхъ экзаменовъ недурной орѳографіи, большинство ихъ становится малограмотными въ первый же годъ по выходѣ изъ школы.

4) Усиленныя занятія правописаніемъ не дѣйствуютъ благотворно на умственное развитіе дѣтей и на умѣнье ихъ владѣть родною рѣчью въ разговорѣ и письмѣ.

5) Русскій языкъ, т. е. русская орѳографія, въ нашей школѣ самый трудный и нерѣдко самый непріятный предметъ для учителя и для ученика.

Что нибудь одно: или нужно признать огромное большинство учащихся неспособными къ ученью, такъ какъ они не усвоиваютъ теперешней орѳографіи, или нужно признать современную орѳографію настолько неупорядоченной, что ее невозможно усвоить безъ большого труда.

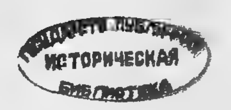
6) «Русское правописаніе» акад. Я. К. Грота, по своей крайней сложности, совершенно недоступно дѣтямъ въ первые 6—7 лѣтъ ученія, т. е. въ тѣ именно годы, въ которые необходимо овладѣть правильнымъ письмомъ, какъ этого согласно требуютъ и оффиціальныя программы и опытные педагоги.

7) Пользованіе руководствомъ Я. К. Грота затруднительно и для учащаго, благодаря сбивчивости, мелочности и необосно-

ванности многихъ его требованій. Преподавателю невозможно обойтись безъ постоянныхъ справокъ съ Гротомъ, особенно при чтеніи ученическихъ работъ: запомнить все, что есть въ текстѣ его книги и въ словарѣ, возможно только послѣ долгой практики, а пользоваться знаніемъ живого языка или знаніемъ того, что можно извлечь изъ филологическихъ сочиненій позднѣйшаго времени, опасно: какъ разъ будетъ не по Гроту, т. е. окажется ошибка. Съ другой стороны нужно имѣть въ виду и того преподавателя, который не можетъ критически разобраться въ сложномъ содержаніи книги академика Грота. Не умѣя опредѣлить относительнаго значенія многочисленныхъ правилъ орѳографіи, онъ будетъ предъявлять или слишкомъ тяжелыя или произвольныя требованія во вредъ дѣлу и ученику [1]).

Можно думать, что дѣятельное обсужденіе орѳографическаго вопроса уже и теперь принесло не малую пользу. Оно выяснило многимъ ненаучность орѳографіи и второстепенное значеніе ея въ курсѣ русскаго языка. Найдутся такіе преподаватели, которые обратятся теперь въ дѣлѣ ученія не къ русской буквѣ, но вообще къ русскому слову. Эта задача указана еще Ломоносовымъ, который, говоря о необходимости при изученіи правописанія заниматься прилежно чтеніемъ книгъ, говоритъ, что безъ этого «во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (Грамматика, § 116).

1) Намъ нѣтъ нужды указывать въ данномъ случаѣ на мѣста, лица или свидѣтельства свѣдущихъ людей. Существованіе учащихъ, которые, можетъ быть, и сами не овладѣли всѣми тонкостями нынѣшней орѳографіи, можно доказать косвеннымъ путемъ. Установлено, что первые 6—7 лѣтъ ученья не даютъ абсолютной грамотности, и извѣстно, что законъ, напр., предоставляетъ право преподаванія въ начальныхъ училищахъ лицамъ, окончившимъ 3-классную женскую прогимназію, т. е. проучившимся не болѣе 6-ти лѣтъ и прошедшимъ курсъ наукъ меньшій, чѣмъ проходится въ городскихъ училищахъ М. Н. П. по Положенію 31 мая 1872 года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.


БИБЛIОТЕКА

